

PG 3363

.T7

1870

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class PGR 2/372

Book .B

1870
YUDIN COLLECTION

Николаю Павловичу Мандрю

*В знакъ искренняго уваженія
и сочувствія*

ЦАРЬ БОРИСЪ

отъ Автора.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Гр. А. К. Толстаго.

Второе изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

[Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.]

[Faint, illegible text in the upper middle section.]

[Faint, illegible text in the middle section.]

[Faint, illegible text in the lower middle section.]

[Faint, illegible text in the lower section.]

[Faint, illegible text near the bottom of the page.]

[Faint, illegible text at the very bottom of the page.]

Tolstoj, Alexei Konstantinovich,
"Tsar' Boris." graf

ЦАРЬ БОРИСЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Гр. А. К. Толстаго.

Второе изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

РГ 3363

Т7

1870

АНТИ-ВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧНОВА.
Слб., Литойный, 5б.

22 10 Jan 74

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- ЦАРЬ БОРИСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.
- ЦАРИЦА МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА, его жена, дочь Малюты Скуратова.
- ЦАРЕВИЧЪ ѲЕДОРЪ } ихъ дѣти.
- ЦАРЕВНА КСЕНІЯ }
- ЦАРИЦА ПРИНА ѲЕДОРОВНА, во иночествѣ АЛЕКСАНДРА, сестра царя Бориса, вдова царя Ѳедора Іоанновича.
- ЦАРИЦА МАРІЯ ѲЕДОРОВНА НАГАЯ, во иночествѣ МАРѢА, вдова Іоанна Грознаго.
- ХРИСТИАНЪ, герцогъ датскій, женихъ царевны Ксеніи.
- ГОЛЬКЪ } его совѣтники.
- БРАГЕ }
- СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ, ближній бояринъ.
- КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.
- ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАСМАНОВЪ, бояринъ и воевода.
- ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ
- АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ
- КНЯЗЬ РЕПНИНЪ
- КНЯЗЬ ЧЕРКАССКІЙ
- КНЯЗЬ СИЦКІЙ
- КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ
- САЛТЫКОВЪ
- АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛУЩЬ-КЛЕШНИНЪ, во схимѣ братъ ЛЕВКІЙ.
- ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА, боярыня.
- АѲНАСІЙ ВЛАСЬЕВЪ, думный дьякъ.
- ВОЕЙКОВЪ, воевода Тарскій.
- ДЕМЕНТЬЕВНА, барская барыня.
- РИЧАРДЪ ЛИ, посоль английскій.
- МИРАНДА, папскій нунцій.

бояре.

11 de 73

БАРОНЪ ЛОГАУ, посоль австрійскій.

ЛЕВЪ САПЪГА, посоль литовскій.

ЭРИКЪ ГЕНДРИХСОНЪ, посоль шведскій.

АВРААМЪ ЛЮСЪ, посоль флорентійскій.

ГЕРМЕРСЪ, любскій бургомистеръ, присланный отъ ганзейскихъ городовъ.

АРХИМАНДРИТЪ КИРИЛЛЪ, посоль иверскій.

ЛАЧИНЪ БЕКЪ, посоль персидскій.

ЧЕЛИБЕЙ, посоль турецкій.

ХЛОПКО-КОСОЛАПЪ, атаманъ разбойниковъ.

РЪШЕТО

НАКОВАЛЬНЯ } его эсаулы.

МИТЬКА, разбойникъ.

ПОСАДСКІЙ.

МИСАИЛЬ ПОВАДИНЪ } бѣгле монахи.

ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ }

1-й } часовые.

2-й }

1-й } сыщики.

2-й }

1-ая } бабы.

2-ая }

3-ья }

4-ая }

ВРАЧЪ.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

СПАЛЬНИКЪ.

СТОЛЬНИКЪ.

КРИЛОШАНКА.

ПРИСТАВЪ.

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрѣльцы, посольская свита, монахи,
бѣгле крестьяне, разбойники, нищіе, сыщики, слуги и народъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ концѣ XVI-го и
началѣ XVII-го столѣтій.

ДѢЙСТВІЕ I.

Престольная палата.

САЛТЫКОВЪ и ВОЕЙКОВЪ.

САЛТЫКОВЪ.

Ты во-время, боляринь, съ доброй вѣстью
Вернулся изъ Сибири: угодилъ
Какъ разъ попасть въ тотъ день, какъ государь
Вѣнчается на царство!

ВОЕЙКОВЪ.

Богу слава!

Довольно онъ откладывалъ вѣнчанье
Со дня, какъ земскою думою соборной
На царство былъ избранъ!

САЛТЫКОВЪ.

Да, да, въ шоломѣ,
А не въ вѣнцѣ, съ мечемъ замѣсто скиптра,
Онъ ждалъ татарь. Но хань, имъ уstraшенный,
Бѣжалъ назадъ! И то сказать: пятьсотъ
Насъ выпло тысячъ въ поле. Безъ удара
Казы-Гирей разсыпанъ — и ни капли
Не пролилося русской крови!

ВОЕЙКОВЪ.

Слава

Царю Борису!

САЛТЫКОВЪ.

Слава и хвала!

Подумаешь: какъ царь Иванъ Васильичъ

Оставилъ Русь Θεодору царю!
Война и морь — въ предѣлахъ русскихъ ляхи —
Ханъ подь Москвой — на брошенныхъ поляхъ
Ни колоса! А нынѣ, посмотри-ка!
Все благодать: амбары полны хлѣба —
Исправлены пути — въ приказахъ правда —
А къ рубежу попробуй подойти
Ляхъ, или нѣмецъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Что и говорить!
Воскресла вся земля! Царю не даромъ
Отъ всѣхъ любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва отъ роду не видала!
На-силу я проѣхалъ чрезъ толпу;
На двадцать верстъ кругомъ запружены
Дороги всѣ; народъ со всѣхъ концовъ
Валить къ Москвѣ; всѣ улицы полны,
И всѣ дома, отъ гребней до завалинь,
Стоять въ цвѣтахъ и въ зелени! Я думалъ:
Авось къ царю до выхода проѣду!
Куды! я чай, отъ валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Тамъ
Услышалъ я: въ соборѣ царь Борисъ —
Вѣнчается!

САЛТЫКОВЪ.

Сейчасъ вернется въ теремъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Ты что-жъ не тамъ?

САЛТЫКОВЪ.

Пословъ примать наряженъ.

ВОЕЙКОВЪ.

Какихъ пословъ?

САЛТЫКОВЪ.

Да мало-ль ихъ! Отъ папы,
Отъ цесаря, отъ Англии, отъ Свей,

Отъ Персіи, отъ Польши, отъ Ганзы —
Не перечтешь!

ВОЕЙКОВЪ.

И всѣхъ ихъ приметъ царь?

САЛТЫКОВЪ.

Всѣхъ съ этого престола слушать будетъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Пора, пора возсѣсть ему на немъ!
Семь мѣсяцевъ вѣнчанія мы ждали!

САЛТЫКОВЪ.

А до того, чай, цѣлыхъ шесть недѣль
Пріять вѣнецъ его молили!

ВОЕЙКОВЪ.

Да,
Смиренію такому нѣтъ примѣра.
До насъ дошло, какъ вашимъ онъ моленьямъ
Внять не хотѣлъ!

САЛТЫКОВЪ.

И еслибы владыка
Отъ церкви отлученіемъ ему
Не угрозилъ — быть можетъ, и доселѣ
Мы были-бъ безъ царя!

ВОЕЙКОВЪ.

А говорили:
Честолюбивъ!

САЛТЫКОВЪ.

Поди ты! Мало-ль что
О немъ толкуютъ! Говорили также:
Онъ Димитрія царевича извель!

ВОЕЙКОВЪ.

Безбожники! безсовѣстные люди!
Когда-бъ извелъ Димитрія Борисъ,
Онъ сталь-ли бы отъ царства отрекаться!

САЛТЫКОВЪ.

Вѣстимо нѣтъ! когда скончался Оедоръ,
Рыдали всѣ, но скорбь ничья сравниться
Со скорбію Бориса не могла.

ВОЕЙКОВЪ.

Я былъ уже въ походѣ; не сподобилъ
Меня Господь къ усопшаго рукѣ
Съ другими приложиться. Говорять,
Быль чудно свѣтель ликъ его?

САЛТЫКОВЪ.

Тиха

Была его и благостна кончина.
Онъ никому не позабылъ сказать
Прощальное, привѣтливое слово;
Когда-жь своей царицы скорбь увидѣлъ:
«Аринушка сказалъ онъ, ты не плачь.
«Меня Господь простить, что государить
«Я не умѣлъ!» И руку взявъ ея,
Держалъ въ своей, и кротко улыбаясь,
Таеъ погрузился словно въ тихій сонъ —
И отошелъ. И на его лицѣ
Улыбка та послѣдняя осталась.

ВОЕЙКОВЪ.

Царь благодушный!

САЛТЫКОВЪ.

Послѣ похоронъ

Постриглася царица.

ВОЕЙКОВЪ.

И тогда-же

Съ ней заперся правитель?

САЛТЫКОВЪ.

Въ тотъ-же день.

Моленіямъ боярскимъ не внимая,
Онъ говорилъ: «Со смертію царя
«Постыли мнѣ волненіе и пышность,
«И блескъ и шумъ. Здѣсь, близъ моей сестры,
«Останусь я; молиться съ ней хочу я,
«И здѣсь умру!»

Звонъ во всѣ кремлевскіе колокола.

ВОЕЙКОВЪ — подходя къ окну.

Идутъ, идутъ! Народъ
Волнуется! Вотъ ужъ несутъ хоругви!
А вотъ попы съ игонами, съ крестами!
Вотъ патріархъ! Вотъ стольники! Бояре!
Вотъ стряпчіе царицы! Вотъ онъ самъ!
Въ вѣнцѣхъ и въ бармахъ, въ золотой одеждѣ,
Съ державою и скипетромъ въ рукахъ!
Какъ онъ идетъ! Всѣ пали на колѣни —
Между рядовъ безмолвныхъ онъ проходитъ
Ко Красному крыльцу — остановился,
Стояли всѣ — онъ говоритъ къ народу...

Молчаніе; потомъ взрывъ радостныхъ криковъ.

Цѣлуетъ крестъ — вотъ на крыльцо вступаетъ —
Какъ свѣтелъ онъ! Сіяніе какое
Въ его очахъ! Нѣтъ, самъ Иванъ Васильичъ
Въ величій подобномъ не являлся —
Во истину то царь всея Руси!

Трубы и дворцовые колокола. Рынды входятъ и становятся у престола; потомъ бояре; потомъ стряпчіе съ царской стряпней; потомъ ближніе бояре; потомъ самъ ЦАРЬ БОРИСЪ, въ полномъ облаченіи, съ державою и скипетромъ. За нимъ царевичъ ОЕДОРЪ. Борисъ всходитъ на подножіе престола.

БОРИСЪ — стоя на подножьи.

Созволеньемъ Божиимъ и волей
Соборной думы — не моимъ хотѣньемъ —
Я на престолъ царей и самодержцевъ
Всея Руси вступаю днесъ. Всевышній
Да укрѣпитъ мой умъ, и дастъ мнѣ силы
На трудный долгъ! Да просвѣтитъ меня,
Чтобы бразды, мнѣ русскою землею
Врученныя, достойно я держалъ,

Чтобы цариль я праведно и мудро,
На тишину Руси, какъ царь Θεодоръ,
На страхъ врагамъ, какъ грозный Іоаннь!

Садится на престоль. Царевичъ Θεодоръ садится по его правую руку.

ВОЕЙКОВЪ — опускаясь на колѣни.

Великій царь! Господь тебя услышалъ:
Твои враги разбиты въ пухъ и прахъ!
Воейковъ я, твой Тарскій воевода,
Тебѣ привезшій радостную вѣсть,
Что ханъ Кучумъ, свирѣпый царь сибирскій,
На Русь возстать дерзнувшій мятежомъ,
Бѣжалъ отъ насъ въ кровопролитной битвѣ
И палъ отъ рукъ ногайскихъ мурзъ. Сибирь,
Твоей опять покорная державѣ,
Тебѣ на вѣкъ всецѣло бьетъ челомъ!

БОРИСЪ.

Благодаренье Господу! Да будетъ
Въ сей свѣтлый день намъ знаменіемъ добрымъ
Благая вѣсть! Встань, воевода Тарскій,
И цѣпь сію, въ знакъ милости великой,
Отъ насъ прими!

Снимаетъ съ себя цѣпь и надѣваетъ на Воейкова.

Мой сынъ, царевичъ Θεодоръ,
Вамъ здравствуетъ со мной, бояре! Онъ
Лѣтами младъ, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. Въ немъ буду
Готовить мнѣ достойнаго на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я васъ прошу!

Θеодоръ кланяется.

БОЯРЕ.

Да здравствуетъ царевичъ!
Живетъ царевичъ!

САЛТЫКОВЪ.

Государь, послы
Ждутъ позволенья милости твоей
На царствіи здоровать!

БОРИСЪ.

Пусть войдутъ!

Трубный гулъ и литавры. Входитъ посоль английскій, предшествуемый двумя стольниками: за нимъ идетъ его свита и останавливается, не доходя престола. Посоль походитъ въ престолу; стольники раздвигаются на право и на лѣво. При входѣ слѣдующихъ пословъ соблюдаются тѣ же обряды.

САЛТЫКОВЪ.

Посоль Елисаветы, Ричардъ Ли!

РИЧАРДЪ ЛИ.

Британнiи Великоѣ королева
Царю Борису дружескiй поклонъ
Усердно шлетъ, его на русскомъ тронѣ
Привѣтствуя какъ друга своего,
Какъ кровнаго, возлюбленнаго брата.
Великiй царь! Ей дорогъ несказанно
Съ тобой союзъ, и еслибы избрать
Для сына ты межъ юными князнями
Британнiи невѣсту захотѣлъ,
Твое свойство вмѣнила-бъ королева
Себѣ въ любовь, и видѣла-бы въ немъ
Залогъ союза нашихъ двухъ народовъ
И совершенне мысли Юанна,
Который былъ ей другомъ.... Графа Дарби
Младая дочь красою превышаетъ
Красавицъ всѣхъ, а кровь ея одна
Съ Елисаветы королевскоѣ кровью!

БОРИСЪ.

Благодарю сестру Елисавету,
Ея союзомъ болѣ дорожу,
Чѣмъ всѣхъ другихъ высокихъ государей,
Писавшихъ къ намъ о томъ же. Но мой сынъ
Федоръ младъ еще о бракѣ думать —
Мы подождемъ.

Ричардъ Ли отходитъ, предшествуемый стольниками. Трубы и литавры. Входитъ папскiй нунцій.

САЛТЫКОВЪ.

Миранда, нунцій папы!

МИРАНДА.

Великій царь всея земли московской!
Святой отецъ Климентъ тебѣ свое
Апостольское шлетъ благословенье
И здравствуетъ на государствѣ! Въ знакъ
Особенной своей къ тебѣ любви,
Онъ утвердить твой титулъ предлагаетъ,
Какъ титулы богемскихъ королей
И польскихъ утвердилъ онъ. Если-жь ты
Своей душой, миролюбиво-мудрой,
Столь вѣдомой намѣстнику Христа,
Какъ онъ, о царь, скорбишь о раздѣленьи
Родныхъ церквей—онъ черезъ насъ готовъ
Войти съ твоимъ священствомъ въ соглашенье,
Да прекратится распря прежнихъ лѣтъ
И будетъ вновь единый пастырь стаду
Единому!

БОРИСЪ.

Святѣйшаго Климента
Благодарю. Мы чтимъ вѣнчаныхъ римскихъ
Епископовъ, и воздаемъ усердно
Имъ долгъ и честь. Но Господу Христу
Мы на землѣ намѣстника не знаемъ.
Нашъ царскій санъ, по волѣ Божьей, мы
Отъ русской всей земли пріяли—болѣ-жь
Ни отъ кого не просимъ утвержденья.

Когда святой отецъ ревнуетъ къ вѣрѣ,
Да согласить владыкъ онъ христіанскихъ
Идти обща на турецкаго султана,
О вѣрѣ братій нашихъ свободить!
То сблизить насъ усердіемъ единымъ
Къ единому кресту. О съединеньи-жь
Родныхъ церквей мы молимся всѣ дни
Когда святую слышимъ литургію.

Миранда отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посоль австрійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Баронъ Логау, цесарскій посоль!

ЛОГАУ.

Великій царь! Рудольфусъ, римскій цесарь,

Тебѣ на царствѣ братскій шлеть поклонъ,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпоръ, безбожному Махмету,
Грозящему изъ Венгріи идти
На Австрію!

БОРИСЪ.

Не въ первый разъ султану
Австрійскимъ мы обязаны посольствомъ.
При Оедорѣ, покойномъ государѣ,
Мы учинили съ вами договоръ:
Отъ турокъ вамъ помочь казною нашей,
Съ тѣмъ, чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовскій тронъ.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, подъ рукою, съ Литвою сговорились—
И Жигимонта свейскаго признали,
Врага Руси, литовскимъ королемъ!

ЛОГАУ.

Великій царь, мы нѣ-были вольны!
Нашъ претендентъ, Максимильянъ, Замойскимъ
Въ Силезіи былъ полоненъ.

БОРИСЪ.

И вмѣсто

Чтобы его оружьемъ свободить,
Съ Литвой скорѣй вы заключили миръ
И даромъ насъ поссорили съ султаномъ.

ЛОГАУ.

Не мы, о царь! Султанъ твой давній врагъ,
И на Москву онъ хана насылаетъ
Не въ первый разъ. Когда ты дашь ему
Насъ одолѣть, ты своего-жъ злодѣя
Усилишь, государь!

БОРИСЪ.

Походъ крестовый
Я на него Европѣ предлагаю.

Онъ врагъ намъ всёмъ, не мой одинъ. Испаньи,
Сициліи, и рыцарямъ Мальтійскимъ,
Венеціи и Генуи онъ врагъ,
Досадчивъ всёмъ державамъ христіанскимъ!
Пускай-же всё подымутъ общій стягъ
На Турцію! Тогда не изъ послѣднихъ
Увидятъ насъ. Но до того, мы будемъ
Лишь наши грани русскія беречь.
Мы не хотимъ для Австріи руками
Жаръ загребать. Казною, такъ и быть,
Мы учинимъ вамъ снова вспоможенье,
Войска-жъ свои пока побережемъ.

Логау отходить. Трубы и литавры. Входитъ посоль литовскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посоль литовскій, канцлеръ Левъ Сапѣга!

САПѢГА.

Великій царь! Твой братъ, король на Польшѣ,
Король на Свей, и великій князь
Земли литовской, Третій Жигимонтъ,
Прислалъ тебѣ со мною, Львомъ Сапѣгой,
Его короны канцлеромъ, поклонъ
И гратуляцію на царствѣ! Наше
Къ концу приходитъ скоро перемирье,
Но Жигимонтъ, и мы, паны, хотимъ
Уже забыть вражду съ Москвою. То
Король Батуръ съ царемъ Иваномъ прѣлись—
На души-жъ ихъ пускай тотъ ляжетъ споръ!
Ты-жъ новую вчинаешь династію,
И твоему величеству не нужно
Литигіумъ тотъ старый пильновать.
Коль Жигимонта свейскимъ королемъ
Признаешь ты, и титуль общаешь
Ему давать, который у него
Его-жъ правитель, Карлусъ, отымаешь,
Эстонію-жъ землей признаешь польской—
То мы тебѣ Ливонію уступимъ
И грамату согласны подписать
На вѣчный миръ съ Москвою!

БОРИСЪ.

Панъ Сапѣга!

Ты шесть недѣль, въ Москвѣ, кажися, ждалъ,
Пока тебѣ передъ собой явиться
Дозволилъ я. Ты времени довольно
Имѣлъ узнать войска и силы наши.
Сдается мнѣ, миръ будетъ Жигимонту
Нужнѣй, чѣмъ намъ. Ливонская земля
Съ Эстоніей есть вотчина Руси
Отъ Ярослава перваго, отъ сына
Владимира святого. Родъ мой новъ,
Но я съ державой русскою пріялъ
Права ея древнѣйшихъ государей.
Доколѣ живъ, не уступлю изъ нихъ
Ни одного. Я Жигимонта свейскимъ
Не признаю владыкой. Герцогъ Карлусъ
Владѣеть Свеей. Титуловъ пустыхъ
Я не даю.

САПѢГА.

Тогда, великій царь,
Осталось мнѣ, всѣвъ на коня, до дому
Скакать безъ мира?

БОРИСЪ.

Добраго пути!

САПѢГА.

Но царь великій, я-жъ не за войною—
За миромъ присланъ я!

БОРИСЪ.

Изъ уваженья
Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вамъ продлю. Въ моей боярской думѣ
Ты можешь мой услышать уговоръ.

Сапѣга отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посоль шведскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посоль отъ Сvei, Эрикъ Гендрхсонъ!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Преславный царь! Правитель свейскій, Карлусъ,
Отъ всей души тебѣ на государствѣ
Свой шлетъ поклонъ, и просить, чтобы въ спорѣ
Его чиновъ съ литовскимъ Жигимонтомъ,
Ты свейскую корону поддержалъ!

БОРИСЪ.

Его зовутъ на королевство?

ГЕНДРИХСОНЪ.

Царь —

БОРИСЪ.

Да, да, я знаю! Свейскіе чины
Уже ему корону предлагали!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Когда тебѣ земли желанье нашей
Ужъ вѣдомо —

БОРИСЪ.

Я знаю все.

ГЕНДРИХСОНЪ.

Но герцогъ
Чинамъ отвѣта не-далъ, и короны
Еще не принялъ. —

БОРИСЪ.

Онъ корону приметъ.
Къ престолу Карлусъ призванъ всей землей —
Онъ отказаться отъ него не можетъ.
Привѣтствую отнынѣ королемъ
Его я свейскимъ, Карлусомъ Девятымъ!
И если братъ нашъ Карлусъ съ нами хочетъ
Пребыть въ любви — пусть продолжаетъ онъ
Вести войну съ Литвою неуклонно,
Ливонію-жъ съ Эстоніей признастъ

Землю русской. Мы ему на томъ
Нашъ вѣчный миръ и дружбу общаемъ!

Гендрихсонъ отходить. Трубы и литавры. Входятъ посолье флорентійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Аврамій Люсь, Флоренціи посолье!

ЛЮСЬ.

Тебѣ, царю Московскія державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлетъ Фердинандъ, изъ рода Медицеевъ,
Привѣтствие и дружескій поклонъ.
Былъ дѣдъ его любовію народной,
Равно какъ ты, къ правленію призванъ —
Достоинства сроднили оба рода:
Какъ Козимо и какъ Лоренцо нашъ,
Ты другъ наукъ и вольнаго искусства.
То вѣдая, тебѣ великій вождь
Флоренціи услуги предлагаетъ
И радъ тебѣ художниковъ своихъ,
Ваятелей прислать и живописцевъ,
Литейщиковъ и зодчихъ, да цвѣтеть
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества во вѣкъ!

БОРИСЪ.

Любезнаго я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу
Признательно. Суровъ нашъ русскій край;
Намъ нѣ-далъ Богъ, какъ вамъ, подъ вольнымъ небомъ
Красой искусства очи веселить;
Но что надъ плотью высить челоуѣка,
Что радуется его безсмертный духъ,
Отъ Бога то ведетъ свое начало,
И вѣрю я, оно на пользу будетъ
И радость намъ!

ЛЮСЬ.

Прими-же, государь,
Въ знакъ непремѣнной дружбы Фердинанда,

Сей небольшой фіалъ. Изсѣченъ онъ
Изъ горнаго кристала, и оправленъ
Искуснѣйшимъ изъ нашихъ мастеровъ:
Ему Челлини имя.

БОРИСЪ.

Будеть мнѣ
Двойко дорогъ этотъ даръ. Повѣдай
Великому Флоренціи вождю,
Что если есть въ землѣ моей русійской
Что-бъ ни было пригодное ему—
Оно его!

Лясъ отходить. Трубы и литавры. Входятъ ганзейскіе купцы: Гермерсъ и два ратс-
герра, и подходятъ вмѣстѣ къ престолу. За ними идутъ слуги съ дарами.

САЛТЫКОВЪ.

Любчанскій бургомистеръ,
Отъ всѣхъ имперскихъ вольныхъ городов!

ГЕРМЕРСЪ.

Земли русійской свѣтлый императоръ
И славный царь! Любчанскіе купцы,
Отъ имени Ганзы высокохвальной,
На государствѣ здравствуютъ тебѣ!
Усердье наше вѣдомо Русіи:
Когда еще голландцы и французы,
И англичанъ пронырливый народъ,
Въ твой славный край не знали и дороги,
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево всѣ лучшіе ему
Товары доставляла; и за то
Она была русійскими князьями
Избавлена отъ пошлинъ. Государь!
Вели-жъ и ты, чтобъ неприличныхъ пошлинъ
Не брали съ насъ! А мы, въ усерды нашемъ,
Тебѣ дары посильные несемъ.
Изъ серебра литого вотъ фигуры:
Фортуна вотъ — въ ней двадцать фунтовъ слишкомъ —
А это вотъ богиня Венусъ — въ ней
Есть тридцать фунтовъ — это птица струсъ;
А вотъ павлинъ — вотъ левъ — вотъ два еленя
Вотъ два коня — пѣтухъ — и славный богъ

Меркуріусъ — всего сто десять фунтовъ
И двадцать три золотника!

БОРИСЪ.

Издавна

Намъ другомъ былъ почтенный городъ Любсеъ.
Благодарю Ганзу за поздравленье
И за дары. Имперскихъ городовъ
Избавить мы отъ пошлины не можемъ
Зане у насъ купцы иныхъ земель
Ее несутъ. Но въ уваженье древней
Съ любчанами пріязни, мы велимъ
Съ нихъ пошлинъ брать отнынѣ половину,
Товары-жь ихъ избавимъ отъ осмотра,
Съ тѣмъ, чтобъ они, по совѣсти, ихъ сами
Намъ объявляли.

ГЕРМЕРСЪ И ПРОЧІЕ — махая шапками.

Вивать царь Борисъ!

Купцы уходятъ. Трубы играютъ тушь другого характера. Изъ другихъ дверей входитъ посоль персидскій; передъ нимъ идетъ Семень Годуновъ, которому Салтыковъ уступаетъ мѣсто. За посломъ слуги его несутъ драгоцѣнный престоль.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Великій государь! Отъ Шахъ-Аббаса
Къ тебѣ посоль персидскій Лачинъ-Бекъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій, грозный и пресвѣтлый царь!
Твой другъ и братъ, Аббасъ, владыка перскій,
Здороваетъ тебѣ на государствѣ
И братскій шлетъ поклонъ. Ты держишь Русь
Единою могучею рукой —
Простри, о царь, съ любовію другую
На моего владыку и прими
Отъ Шахъ-Аббаса, въ знакъ его пріязни,
Сей кованный изъ золота престоль,
Въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ и въ алмазахъ,
Наслѣдье древнихъ шаховъ — изо всѣхъ
Цѣннѣйшее Аббасовыхъ сокровищъ!

БОРИСЪ.

Благодарю великаго Аббаса.
Его пріязнь тѣмъ болѣе цѣню,
Что слышаль я, быть можетъ ложно, будто
Онъ хочетъ миръ съ султаномъ заключить,
Иверію-жъ, подвластную намъ землю,
И Александра, подданнаго намъ
Ея царя, тѣснить.

ЛАЧИНЪ - БЕКЪ.

Великій царь,
То клевета! Тебѣ сказалъ неправду
Царь Александръ. Онъ самъ дружить султану,
Какъ твоему, такъ нашему врагу!

БОРИСЪ.

Впустить сюда султанскаго посла!
Трубы и литавры. Входитъ посоль турецкій и становится рядомъ съ персидскимъ.
Слуги его несутъ за нимъ дары.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Къ царю посоль султанскій Челибей!

ЧЕЛИБЕЙ.

Всея Руси могучій повелитель!
Султанъ Махметъ, твой другъ и братъ, тебѣ
Черезъ меня на воцареніи шлетъ
Привѣтствіе и, въ знакъ своей пріязни,
Сѣдло и златомъ кованую сбрую
Въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ. Государь!
Султанъ Махметъ, добра тебѣ желая,
Предостеречь тебя велить, что твой
Невѣрный рабъ, царь Александръ, замыслилъ
Тебя предать, и къ перскому Аббасу
Въ подданство переходить!

БОРИСЪ.

Пусть войдетъ
Отъ Александра присланный посоль!
Входитъ архимандритъ Кирилль и падаетъ на колѣни передъ Борисомъ.

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Великій, благовѣрный государь!
Царь Александръ, твой ревностный слуга,
Тебѣ на царствѣ кланяется земно.
Не попусти, о царь всея Руси,
Ему въ конецъ погибнуть! Шахъ-Аббасъ
Безжалостно, безбожно разоряетъ
Иверію! султанъ Махметъ турецкій
Обрекъ ее пожарамъ и мечу!
Ограблены жилища наши — жены
Поруганы — семейства избіенны —
Монастыри въ развалинахъ — и церкви
Христовы пылаютъ!

ЧЕЛИБЕЙ.

Славный царь,
Не вѣрь тому — не мы, а персы грабятъ
Иверію!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій государь,
Не вѣрь послу сунитскаго султана!
На языкѣ сунитовъ клевета,
Обманъ и ложь! Не разоряютъ персы
Иверію — они лишь турокъ гонять
Вонъ изъ нея, и только лишь твоихъ
Измѣнниковъ караютъ!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Боже правый —
Иверія моя!

ЧЕЛИБЕЙ — къ Лачинъ-Беку.

Шепть невѣрный!
Султанъ тебѣ покажетъ въ Испаганѣ
Какъ гоните вы насъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Сунитскій пѣсъ!
Въ Стамбулѣ мы съ тобою разочтемся!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

О государь, отъ злости ихъ обоихъ
Будь намъ защитой!

БОРИСЪ.

Слушайте! Кто-бъ ни былъ
Подвластной намъ Иверіи тѣснитель —
Шахъ, иль султанъ — клянусь, не поущу
Ничьей рукъ касаться русскихъ граней!
Дьякъ Аѳанасій! Ты напишешь нынѣ-жъ
Бутурлину съ Плещеевымъ приказъ
Вести полки на Терекъ. Лачинъ-Бекъ!
Тебѣ былъ путь не малый къ намъ отъ моря
Хвалынскаго. Ты видѣлъ нашимъ войскомъ
Покрытый край отъ Волги до Москвы.
Пятьсотъ и слишкомъ тысячъ поднялося
На мой призывъ. Когда я захочу,
Я вдвое ихъ могу поставить въ полѣ.
Съ Аббасомъ радъ я въ дружбѣ пребывать,
Но долженъ ты въ моей боярской думѣ
Дать за него намъ клятвенный обѣтъ:
Отъ перскихъ войскъ Иверію очистить.
А ты, султана турскаго посоль —
Неси ему дары его обратно!
Намъ вѣдомо, на насъ кѣмъ поднять, шоль
Казы-Гирей, кичася силою ратной!
Но онъ бѣжалъ! Прошли тѣ времена,
Когда Руси шатаніе и бѣды
Врагамъ надъ ней готовили побѣды!
Она стоитъ, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьямъ щитомъ, а недругамъ грозою!

Челибей уходитъ. Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входятъ боярнии, въ большомъ
нарядѣ, по-двѣ въ рядъ. За ними царица МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА и царица КСЕ-
НІЯ. Всѣ кланяются имъ въ поясъ. Онѣ садятся по обѣ стороны престола.

БОРИСЪ.

Нашъ царскій долгъ оконченъ. Вотъ царица
Съ царевною пришли принять, бояре,
Здорованіе ваше!

БОЯРЕ.

Бьемъ челомъ

Царицѣ и царевнѣ! Имъ на царскомъ
Здороваемъ вѣнчаньи! Много лѣтъ
Вамъ, матушки вы наши!

ЦАРИЦА — съ поклономъ.

Государь,
Благодаримъ за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
Съ царевною!

БОЯРЕ.

Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенній цвѣтикъ нашъ!

К СЕНІЯ — съ поклономъ.

Не заслужила
Великой вашей ласки я, бояре,
И не себѣ любовь примаю вашу,
Но батюшкѣ царю!

ГОЛОСА.

Косатка наша!
Кто за царя не радъ-бы умереть?
Но любимъ мы тебя не за него—
За разумъ твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!
Господь съ тобой!

Шумъ за дверьми. Входитъ стрѣлецкій голова.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Великій государь!
Народа мы не можемъ удержать!
Врываются насильно, голосятъ:
«Хотимъ царю Борису поклониться,
«Царя Бориса видѣть!»

БОРИСЪ.

Настежь двери!
Между народомъ русскимъ и царемъ
Преграды нѣтъ!

Толпа народа вваливается въ палату.

НАРОДЪ.

Отецъ родной! Поволь
Намъ свѣтлыя твои повидѣть очи!

БОРИСЪ.

Друзья мои, входите! Дорогіе
Вы гости мнѣ! Зови, царевна Ксеня,
Зови мірянъ къ почетному столу!

КСЕНІЯ — кланяясь.

Пожалуйте, міряне! Просимъ всѣхъ
Къ намъ нà-хлѣбъ нà-соль!

НАРОДЪ.

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА — у дверей.

Назадъ! не будетъ мѣста!
И нищіе полѣзли!

БОРИСЪ.

Всѣмъ сегодня
Свободный входъ! Кто нищимъ вступитъ въ теремъ,
Имущимъ тотъ воротится домой!

Входитъ новая толпа.

НИЩІЕ.

Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебѣ
Христось Богъ съ Богородицей! Святая Троица со
Варварой мученицей! Кузьма со Демьяномъ!

БОРИСЪ.

Входите, божьи люди!—Вы-жъ, бояре,
Ведите всѣхъ къ почетному столу! Сходя съ престола.
Царица и царевна—ты, Феодоръ —
Гостей моихъ идите угощать!
Вино и медъ чтобы лился рѣками!
Идите всѣ—я слѣдую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами, идетъ во внутренніе покои. Царевичъ Феодоръ,
царица, Ксеня и боярыни слѣдуютъ за ними. Палата остается пуста.

БОРИСЪ — одинъ.

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
Держу бразды русійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ —
И побѣдилъ! Кто можетъ осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я къ цѣли шель? Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ
Проклятiе за то-бы мнѣ изрекъ,
Что для ея защиты и спасенья,
Не пожалѣлъ ребенка я отдать
Единаго? Мнѣ на-душу не разъ
Ложилось камнемъ темное то дѣло,
И думалъ я: Чтò если не достигну
Чего хочу? Чтò если грѣхъ тотъ даромъ
Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
Не выдала! Я съ совѣстію счелъ
Сегодня свелъ — и не боюсь поставить
Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь отъ меня притворство и обманъ!
Черезъ пропасти и смрадные болота
Къ престолу днесъ меня приведшій мостъ
Ломаю я! Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы — сіяетъ солнце снова —
И держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ — нѣтъ болѣ Годунова!

Келья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Крилошанка вводитъ БОРИСА. За нимъ входитъ СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ — къ крилошанкѣ.

Ты говоришь: царица на молитвѣ?
Не смѣть ее тревожить. Въ этой кельи
Мы подождемъ.

Крилошанка уходитъ.

Давно-ли здѣсь, въ печали,
Съ сестрою я бесѣдовалъ вдвоемъ!

Смотрить въ окно.

Вотъ теремъ тотъ, гдѣ я хотѣлъ провести
Остатокъ дней! Судьба не такъ рѣшила:
Замѣсто рясы, плечи багряницею
Мнѣ облекла. Чу! Радостные крики,
Сюда насъ провожавшіе, опять
Послышались! Ты съ Шуйскимъ объѣзжалъ
Сейчасъ Москву. Что молвятъ? Всѣ-ль довольны?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Кому-жъ не быть довольнымъ, государь?
На перекресткахъ медъ и брага льются,
Все войско ты осыпалъ серебромъ;
Нѣтъ изъ бояръ ни одного, кому-бы
Ты не послалъ иль блюда золотого,
Иль цѣнной шубы съ своего плеча;
Всѣхъ должниковъ ты выкупилъ изъ тюремъ—
Кому-жъ не быть довольнымъ? Только, царь,
Не въ гнѣвъ тебѣ: ты безъ разбора началъ
Всѣхъ жаловать; ни на кого опалы
Не наложилъ; и даже самыхъ тѣхъ,
Которые при Федорѣ хотѣли
Тебя сгубить, ты наградилъ сегодня.
Такъ, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоимъ усерднымъ слугамъ,
Что со врагами въ милости своей
Ты смѣшиваешь ихъ!

БОРИСЪ.

Враговъ ужъ болѣ
Нѣтъ у меня. Прошла пора борьбы,
И безъ различья нынѣ изливаться
Должна на всѣхъ царя Русіи милость,
Какъ солнца свѣтъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

И волю языкамъ
Ты всѣмъ даешь. Романовы доселѣ
Мутятъ бояръ!

БОРИСЪ.

Что́ говорятъ они?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Да то-же, что́ и прежде говорили:
Не дѣльно-моль, при Федорѣ, крестьянъ
Ты прикрѣпилъ; боярамъ недочетъ-де
Въ работникахъ; пустуютъ-де ихъ земли
Отъ той поры, какъ некого къ себѣ
Имъ сманивать!

БОРИСЪ.

Я жалобу ту знаю.

Дворяне мыслятъ какъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Въ огонь и въ воду

Готовы эти за тебя; не мало
Поправились съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ день
Ты отмѣнилъ. А тоже бить челомъ
Сбираются тебѣ, что въ лѣсъ отъ нихъ
Бѣгутъ крестьяне.

БОРИСЪ.

Сами виноваты;

Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они;
Крестьяне не рабы; не въ кабалу
Я отдалъ ихъ. На-дняхъ указъ объявятъ:
Что́ за какой надѣлъ кому вестн.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Владѣльцы, царь, роптать начнутъ.

БОРИСЪ.

Пусть рошцуть,

Всѣмъ угодить не властенъ человекъ;
И если цѣлой выгода земли
Въ ущербъ пришлось сторонѣ единой,
Ту сторону не вправѣ я беречь.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Начни-же, царь, съ Романовыхъ. Строптивъ

Ихъ больно родъ, Феодоръ вотъ Никитичъ
Ведеть такія рѣчи....

БОРИСЪ.

Онъ въ отца;
Не можетъ мысли утаить. Тѣмъ лучше!
Я не боюсь того, кто говоритъ
Что думаетъ. Охотно я прощаю
Ихъ рѣчи тѣмъ, чьи у меня въ рукахъ
Теперь дѣла. Уже не нужно мнѣ
И день и ночь, безъ отдыха, какъ прежде,
За каждымъ словомъ каждаго слѣдить;
Къ инымъ теперь могу я начинаньямъ
Мысль обратить. Иванъ Васильичъ Третій
Русь отъ орды татарской свободилъ
И государству сильному начало
Поставилъ вновь. Но въ двѣсти лѣтъ насъ иго
Татарское отъ прочихъ христіанъ
Отрѣзало. Разорванную цѣпь
Я съ Западомъ связать намѣренъ снова;
Для Ксеніи изъ многихъ жениховъ
Не даромъ мною датскій королевичъ
Уже избранъ. Съ державами Европы
Земля должна, по прежнему, стать рядомъ,
А въ будущемъ ихъ, съ помощію Божьей,
Опередить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Ты смотришь вдаль, и царственной высоко
Ты мыслию паришь, а между тѣмъ
Вокругъ тебя не все идетъ такъ гладко,
Какъ кажется. Романовыхъ за рѣчи
Ихъ дерзкія ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на рѣчи,
На видъ покорный, преданный слуга,
Который врядъ-ли милости твоей
Усердствуетъ въ душѣ: Василій Шуйскій.

БОРИСЪ.

Не мнишь-ли ты, усердію его
Я вѣру даль? Онъ служить мнѣ исправно
Затѣмъ, что знаетъ выгоду свою;

Я-жъ въ немъ цѣню не преданность, а разумъ.
Не можетъ царь по сердцу избирать
Окольныхъ слугъ, и по любви къ себѣ
Ихъ жаловать. Оказывать онъ ласку
Обязанъ тѣмъ, кто всѣхъ разумнѣй волю
Его вершить, быть къ каждому привѣтливъ
И милостивъ, и слѣпо никому
Не довѣрять.

БРИЛОШАНКА — докладываетъ.

Бояринъ князь Василій
Иванычъ Шуйскій!

БОРИСЪ.

Милости прошу.

Шуйскій входитъ.

Съ объѣзда ты заѣхаль, князь Василій?
Что новаго?

ШУЙСКІЙ.

Да что, царь-государь,

Не знаю какъ тебѣ и доложить!
На Балчугѣ двухъ смердовъ захватили,
Во кружечномъ дворѣ. Они тебя
Передъ толпой негодными словами
Осмѣлилися поносить.

БОРИСЪ.

За что?

ШУЙСКІЙ.

За Юрьевъ день.

БОРИСЪ.

Что сдѣлала толпа?

ШУЙСКІЙ.

Накинулась на нихъ; чуть-чуть на влочья
Не разнесла; стрѣльцы едва отбили.

БОРИСЪ.

Гдѣ-жъ эти люди?

шуйскій.

Вбинуты пока

Обои въ яму.

БОРИСЪ.

Выпустить обоихъ!

Растолковать имъ, что на время только
Прикрѣплены они, затѣмъ, что всюду
Шаталися крестьяне, и скудѣла
Черезъ то земля. Когда-же пріобыкнуть
Сидѣть на мѣстѣ, снимется запретъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Помилуй, царь!

шуйскій.

Помилуй, государь!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Дозволь пытать ихъ, государь! Должно быть,
Подучены они; другіе могутъ
Найтись еще!

БОРИСЪ.

Не трогать никого.

Хотѣли-бъ вы, чтобъ омрачилъ я день
Вѣнчанья моего? День этотъ долженъ
Началомъ быть поры для царства новой;
Свѣтитъ Руси какъ утро долженъ онъ
И возвѣщать ей времена инныя
И рядъ благихъ, безоблачныхъ годовъ!

шуйскій.

Царь-государь, дозволю по правдѣ молвить,
По простотѣ: вѣдь страху-то ни въ комъ
Не будетъ такъ!

БОРИСЪ.

Надѣюся, не будетъ.

Не страхомъ я—любовію хочу
Держать людей. Прослыть боится слабымъ

Лишь тотъ, кто слабъ; а я силёнъ довольно,
Чтобъ не бояться милостивымъ быть.
Вернитесь къ народу, повѣстите
Прощенье всѣмъ—не только кто словами
Меня язвиль, но кто виновенъ дѣломъ
Передо мной—хотя-бъ онъ умылялъ
На жизнь мою, или мое здоровье!

Семень Годуновъ и Шуйскій уходятъ. Дверь отворяется. Двѣ инокини становятся по
обѣ ея стороны. За ними входитъ царица ПРИНА, во иночествѣ Александра.

ПРИНА.

Прости меня, великій государь,
Я не ждала тебя сегодня. Въ церкви
Въ день твоего вѣнчанья за тебя
Молилась я.

Инокини уходятъ.

БОРИСЪ.

Царица и сестра!

По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не безъ борьбы душевной, я рѣшился
Исполнить волю земскую, и царскій
Пріять вѣнецъ. Но разъ его пріявъ,
Почуялъ я, помазанный отъ Бога,
Что отъ Него-жъ и сила мнѣ дана
Владыкой быть, и что восторгъ народа
Вокругъ себя не даромъ слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное довѣріе и бодрость
Вошли въ него — и ими подѣлиться
Оно съ тобою хочеть!

ПРИНА.

Миръ тебѣ!

БОРИСЪ.

Да, миренъ духъ мой. Въ бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всѣмъ;
Мой свѣтель путь, и какъ ночной туманъ
Лежить за мной пережитое время.
Отраднo мнѣ сознанье это, но
Еще полнѣй была-бъ моя отрада,
Когда-бъ изъ устъ твоихъ услышалъ я,
Что дѣлишь ты ее со мною!

ИРИНА.

Братъ,
Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнилъ ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто могъ вѣнецъ-бы царскій
Достойно несть.

БОРИСЪ.

Въ годину тяжкихъ смуть,
Когда, въ борьбѣ отчаянной съ врагами,
Я не щадилъ ихъ, часто ты за то
Меня винила. Но передъ собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шелъ впередъ, и не страшился всѣ
Преграды опрокинуть. Предъ одной,
Въ сомнѣнїи, остановился я...
Но мысль о царствѣ одержала верхъ
Надъ колебаніемъ моимъ.... Преграда
Та рушилась.... Не произнесено
До дня сего о томъ межъ насъ ни слова.
Но съ той поры какъ будто бездны зѣввъ
Насъ раздѣлили.... Въ то время, можетъ быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я передъ тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
Въ величїи, невиданномъ по-нынѣ,
Ликуетъ Русь. Ея дивится силѣ
И другъ и врагъ. Сегодня я оправданъ
Любовію народной и успѣхомъ
Моихъ заботъ о царствѣ. Я хотѣлъ-бы
Услышать оправданіе мое
И отъ тебя, Ирина!

ИРИНА.

Оправданья
Ты ожидаешь, братъ? Въ тотъ страшный день,
Когда твой грѣхъ я сердцемъ отгадала,
Къ тебѣ глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Изъ собственной природы ею ты
Исхищенъ былъ. Противникамъ такъ часто
Желѣзную являя непреклонность,

Круша ихъ силу разумомъ своимъ,
Ты былъ дотоль согласенъ самъ съ собою.
Но здѣсь, Борисъ, неожиданный, новый, страшный
Въ тебѣ раздоръ свершился. Высоту
Твоей души я вѣдала; твои
Я поняла страданья. Не холодность —
Нѣтъ, лишь боязнь твоей коснуться раны,
Меня вдали держала отъ тебя.
Когда-бъ ты мнѣ открылся — утѣшеньемъ,
Любовію тебѣ-бъ я отвѣчала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчалъ тогда — теперь же хочешь мною
Оправданъ быть? Братъ, я за каждымъ днемъ
Твоимъ слѣжу, моля всечасно Бога,
Чтобъ каждый день твой искупленьемъ былъ
Великаго, ужаснаго грѣха,
Неправды той, черезъ нее-же нынѣ
Ты сталъ царемъ!

БОРИСЪ.

Отврати свой взоръ
Отъ прошлаго. Широкая рѣка,
Несущая отъ края и до края
Судовъ громады, менѣ-ль свѣтла
Тѣмъ, что ея источники, быть можетъ,
Въ болотахъ дальнихъ кроются? Прина,
Гляди впередъ! Гляди на свѣтлый путь
Передо мной! Чтó въ совѣсти моей
Схоронено, чтó для другихъ незримо —
Не можетъ то мнѣ помѣшать на славу
Руси царить!

ПРИНА.

Цари на славу ей!
Будь окруженъ любовью и почетомъ!
Будь праведенъ въ неправости своей —
Но не моги простить себѣ! Не лги
Передъ собой! Пусть будетъ только жизнь
Запятнана твоя — но духъ безсмертный
Пусть будетъ чистъ — не провинись предъ нимъ!
Не захоти отъ мысли отдохнуть,
Что искупать своимъ ты каждымъ мигомъ,
Дыханьемъ каждымъ, бьеньемъ каждымъ сердца,
Свой долженъ грѣхъ! И если изнеможешь

Царь Борисъ.

Подъ бременемъ тяжелымъ — въ эту келью
Тогда приди...

БОРИСЪ.

Твой приговоръ жестокъ.

Безвиннымъ я себя не мню. Безвиненъ
Не можетъ быть, кто съ жизнію ведетъ
Всегда борьбу; кто хоть какую цѣль
Передъ собой поставилъ; хоть какое
Желаніе въ груди несетъ. Въ ущербъ
Другому лишь желанья своего
Достигнетъ онъ! То мѣсто, гдѣ я сталъ,
Оно мое затѣмъ лишь, что другого
Я вытѣснилъ! Неправъ передъ другими
Всякъ, кто живетъ! Вся разница межъ насъ:
Кто для чего неправъ бываетъ. Если,
Чтобъ тѣмъ людей счастливыми содѣлать,
Я бѣольшую неправость совершилъ,
Чѣмъ тотъ, который блага никакого
Имъ не принесъ — кто-жъ, онъ, иль я, виновнѣй
Предъ Господомъ? Ирина, отъ тебя
Мое принять пришелъ я оправданье —
Я жду его — тебѣ до дна я душу
Мою открылъ — еще ли не оправданъ
Я предъ тобой?

ИРИНА.

Все ту же на тебѣ

Я вижу тѣнь. Куда бы ни пошелъ ты,
Вездѣ, всегда, зловѣщая она,
Идетъ съ тобой. Не властны мы уйти
Отъ прошлаго, Борисъ!

БОРИСЪ.

Постричься долженъ,

Кто мыслить такъ! Отъ дѣла отказаться!
Отшельникомъ въ пустыню отойти!
То не мое призваніе. Мой грѣхъ
Я сознаю; но вѣдаю, что имъ лишь
Русь велика! Оплакивать его
Я не могу! Мнѣ некогда крушиться!
Не подъ ярмомъ раскаянья согбенъ,
Но полный силъ, съ поднятою главою,
Идти впередъ я долженъ, чтобъ Руси

Путь разчищать! Прости, сестра. Кто правъ ---
Ты, или я — то времени теченье
Покажетъ намъ. Злодѣйство-ль совершилъ,
Иль заплатилъ Руси величью дань я —
Рѣшитъ земля въ минуту испытанья!

ДѢЙСТВІЕ II.

Покой во дворцѣ.

Царевичъ ѲЕДОРЪ, царевна КСЕНІЯ и герцогъ ХРИСТІАНЪ датскій.

ѲЕДОРЪ.

Вотъ ужъ который день, братъ Христіанъ,
Мы сходимся съ тѣхъ поръ какъ ты помолвленъ
Со Ксеніей, и каждый разъ тебя,
Мнѣ кажется, мы оба больше любимъ.
Могли-бъ тебя мы слушать безъ конца,
Но ты досель о родинѣ намъ только
Разсказывалъ своей —

КСЕНІЯ.

Да, королевичъ,
Пора, чтобъ ты намъ о себѣ повѣдалъ.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Какъ выросъ ты? И какъ доселѣ жилъ?
И какъ во Фландріи сражался?

ѲЕДОРЪ.

Все,
Все разскажи намъ, Христіанъ. Мы стали
Теперь съ тобою родные; вмѣстѣ намъ
Пришлось жить, такъ надо знать другъ друга!

КСЕНІЯ.

Начни сначала. Дѣтство намъ свое
Сперва скажи!

ХРИСТІАНЪ.

Не сложная то повѣсть,]

Царевна, будетъ: мой отецъ, король,
Со мной простясь, услалъ меня, ребенкомъ,
Изъ города въ норвежскій дальній замокъ,
И указалъ тамъ жить — зачѣмъ? не знаю.
Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ,
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, что къ небу вознеслись,
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды,
И крутизна, гдѣ замокъ нашъ повисъ.

Ребенкомъ, тамъ, въ мечтаньи одинокомъ,

Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валь,
И разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья,
Отважные мнѣ навѣвали сны,
И вдаль меня манили приключенья.
Въ одинъ покой случайно я проникъ;
Висѣли латы тамъ подъ слоємъ пыли,
А на столѣ лежало много книгъ —
Норвежскія то лѣтописи были.
Я сталъ читать — и ими, какъ огнемъ,
Охваченъ былъ сильнѣе съ каждымъ днѣмъ,
И ярче все являлись мнѣ видѣнья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.

Такъ время шло. Четырнадцать лѣтъ,
Я призванъ былъ въ столицу. Новый свѣтъ
Открылся мнѣ. Я съ радостію дѣтскою
Предался жизни суетной и свѣтскою —
Но не на долго. Праздности моею
Стыдиться сталъ я скоро. Прежнихъ дней
Воскресли сны и прежнія видѣнья:
Все тѣ-же сѣчи, схватки и сраженья.

И думалъ я: настанетъ-ли тотъ день,
Когда мечта, которую съ любовью
Я все ловлю, какъ вѣющую тѣнь,
Одѣнется и плотію и кровью?
И онъ насталъ. Вскипѣлъ великій бой,

Священный бой за вѣру и свободу:
Испаніи владыка всталъ войной,
Гроза цѣплями вольному народу.
Во Фландрію тогда Европы всей
Стекалися единовѣрныхъ рати —
И изъ тюрьмы я вырвался моей
На выручку преслѣдуемыхъ братій.

ӨЕДОРЪ.

Да, Христіанъ, мы слышали про то,
Какъ ты съ испанцомъ бился подъ Остендомъ.
Счастливъ-же ты! Тебѣ ужъ двадцать лѣтъ!
Ты могъ уже свои извѣдать силы,
Ты самъ себѣ на дѣлѣ испыталъ —
А я!

ХРИСТІАНЪ.

Тебѣ, царевичъ, суждена
Блистательнѣе доля. Ты стоишь
Близъ своего отца, чтобъ у него
Державою учиться управлять,
Какъ тѣ князья, которые отвсюду
Съѣзжались въ испанскій станъ, учиться
У Спинолы, у пармскаго вождя,
Какъ управлять осадю.

ӨЕДОРЪ.

Ты правъ;
Отца примѣръ передъ собою видѣть,
То счастье для меня, и лучшей доли
Я-бъ не желалъ, какъ только научиться
Ему въ великомъ дѣлѣ помогать.
Но не легко дается та наука,
А празднымъ быть несносно. Ты-жъ успѣлъ
Узнать войну, ты отражалъ осаду,
Ты слышалъ пушекъ громъ, пицалей трескъ,
Вокругъ тебя летали ядра —

ХРИСТІАНЪ.

Да,
И я узналъ что, мужество и сила

Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже рѣшаютъ битвы
Какъ въ славныя, былыя времена,
И грустно мнѣ то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому дѣлу.

КСЕНІА.

И за это мнѣ
Ты, королевичъ.....

ФЕДОРЪ.

Сразу полюбился?
Такъ, Ксенья?

КСЕНІА.

Такъ. Но я-бы знать хотѣла,
Его спросить хотѣла-бъ я: какъ онъ
Чужую могъ заочно полюбить?

ХРИСТІАНЪ.

Легко мнѣ дать отвѣтъ тебѣ, царица:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтить весь міръ. Далеко
О немъ молва въ Европѣ разнеслась;
Кому-жъ его вблизи случалось видѣть,
Обвороженный, возвращался тотъ
На родину; но прославлялъ онъ столь-же
Величіе правителя Русіи,
Сколь совершенства дочери его.
Кто-бъ нибылъ то, посланникъ, или плѣнный,
Или купецъ ганзейскій — ни одинъ
Не забывалъ царевну Ксенью славить,
Ея красу, и умъ превозносить,
И неземную, ангельскую кротость.
Разказы тѣ въ мою запали душу;
А дальній твой, несхожій съ нашимъ, край,
Все, что молва о немъ къ намъ приносила:
Разливы рѣкъ, безбережныя степи,
Снѣга и льды, обычай, столь отличный
Отъ нашего; державы христіанской
Азіискій блескъ, съ преданьями отцовъ.
Намъ общими — все это, какъ нарочно,

Набросило волшебный нѣкій свѣтъ
На образъ твой. Ты мнѣ предстала тою,
Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслилъ я тогда,
Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
Приковывалъ мои невольно взоры —
И въ шумѣ битвъ, въ пылу кипящихъ силъ
Я рыцаря заслуживая шпоры,
Тебѣ, царевна, мысленно служилъ!

ӨЕДОРЪ.

Братъ Христіанъ, какъ странно и какъ ново
Мнѣ рѣчь твоя звучить! Не думалъ я,
Чтобъ можно было полюбить кого,
Не знаючи, иль не видавъ. Но правда
Мнѣ слышится въ твоихъ словахъ, и вмѣстѣ
Въ нихъ будто что-то чуется родное;
И хорошо съ тобой мнѣ, Христіанъ,
Такъ хорошо, какъ будто послѣ долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксения вотъ задумалась, смотри!

КСЕНІЯ.

Задумалась я вправду. Новый міръ
Ты, королевичъ, мнѣ открылъ. У насъ
Не любятъ такъ. У насъ отцы дѣтей
Посватаютъ, не спрашивая ихъ,
И безъ любви другъ къ другу подъ вѣнецъ
Они идутъ. Я, признаюсь, всегда
Дивилася тому.

ӨЕДОРЪ.

Обычай этотъ

Къ намъ отъ татаръ привился, а до нихъ,
Вольна была невѣста жениха
Сама избрать.

ХРИСТІАНЪ.

Гаральдъ норвежскій нашъ

Дочь Ярослава русскаго посваталъ.
Но не былъ онъ втупѣру знаменитъ
И получилъ отказъ отъ Ярославны.

Тогда, въ печали, бросился онъ въ сѣчи,
Въ Сициліи рубился много лѣтъ
И въ Африкѣ, и наконецъ вернулся
Въ градъ Кіевъ онъ, побѣдами богатъ
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

ЕДОРЪ.

Да, въ то время.

Стекалось въ Кіевъ много жениховъ.
Другая Ярославна за Индрика
Французскаго пошла, а третья дочь
За короля венгерскаго Андрея.
Всѣмъ тремъ отецъ далъ волю выбирать.
Тогда у насъ свободнѣй, Христіанъ,
И лучше было. Вѣпоры у нѣмцовъ
Быль мракъ еще, а въ Кіевѣ считалось
Ужъ сорокъ школь. Татары все сгубили.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ твой то, царевичъ, воскресить,
Вознаградить потерянное время!

ЕСЕНІЯ.

Да, Христіанъ. Но, вѣрь мнѣ, ты не знаешь
Еще отца! Доселѣ видѣлъ ты
Его дѣла; но еслибъ видѣть могъ ты
Его любовь къ землѣ, его заботу,
Его печаль о томъ, чего свершить
Онъ не успѣлъ, его негодованье
На тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Опять идти по старому — и вмѣстѣ
Терпѣнье къ нимъ, и милость безъ конца —
Тогда бы ты узналъ его!

ХРИСТІАНЪ.

Хотя-бъ

Его не зналъ я вовсе — и тогда
Онъ за любовь великую твою
Мнѣ-бъ дорогъ сталъ!

КСЕНІЯ.

Не потому его
Люблю я, Христіанъ, что онъ отецъ мнѣ;
Нѣтъ, я за то люблю его, что онъ
Такъ мало мыслить о себѣ!

ФЕДОРЪ.

То правда;
Лишь объ одной землѣ его забота:
Татарщину у насъ онъ вывезть хочетъ,
Въ родное хочетъ насъ вернуть русло.
Подумаешь: и сами вѣдь породой
Мы хвастаться не можемъ; отъ татаръ вѣдь
Начало мы ведемъ!

ХРИСТІАНЪ.

Но двѣсти лѣтъ
Вы русскіе. Татарской крови мало
Осталось въ васъ.

ФЕДОРЪ.

Ни капли не осталось!
И врядь-ли-бы нашелся на Руси,
Кто-бъ ненавидѣлъ болѣе татаръ,
Чѣмъ мы съ отцомъ.

ХРИСТІАНЪ.

Они наврядь-ли также
Царя Бориса любятъ съ той поры,
Какъ онъ разбилъ, при Федорѣ, ихъ силу!

ФЕДОРЪ.

Вѣдь вотъ теперь сидимъ мы здѣсь втроемъ
И говоримъ свободно, а въ народѣ
Вѣдь думаютъ, что Ксенья и доселѣ
Ты не видалъ, что ты ее увидишь
Лишь подъ вѣнцомъ! А вмѣстѣ показаться
И думать вамъ нельзя, того обычай,
Вишь, не велить! Хотѣлось-бы мнѣ знать,
Когда она не пряталась, пока
Невѣстой не была, зачѣмъ теперь
Ей прятаться!

КСЕНІЯ.

Нельзя, сказалъ отецъ,
Все разомъ передѣлать; глубоко
Пустиль у насъ чужой обычай корни
И медленно выводится.

ЕЕДОРЪ.

Къ прискорбью!
И матушка вотъ слѣдуетъ ему.
Ей нелюбо, что видѣться позволилъ
Вамъ двумъ отецъ. Она-бы подъ замкомъ
Тебя держать хотѣла!

КСЕНІЯ.

Не вини
Ты нашу мать за это, королевичъ.
Не всякому дано такъ ясно видѣть
Какъ батюшкѣ.

ЕЕДОРЪ.

Не то одно. Чтó грѣхъ
Ужъ намъ таить! Еще за то косится
На Христіана наша мать, что онъ
Не нашей вѣры.

КСЕНІЯ—къ Христіану.

Но вѣдь нашу вѣру,
Не правда-ль, примешь ты?

ХРИСТІАНЪ.

Не торопи
Меня, царевна. Въ этомъ Богъ волѣнъ.
Учителей я вашихъ обѣщалъ
Съ благоговѣньемъ выслушать, но только
По убѣжденью откажусь отъ вѣры
Моихъ отцовъ.

КСЕНІЯ.

Тогда спокойна я.
Не можешь, королевичъ, не принять
Ты нашей вѣры. Безъ грѣха могу я
Тебя любить.

ӨЕДОРЪ.

А я ужъ и подавно!
Дадимъ же мы втроемъ обѣтъ другъ другу
Любить другъ друга, помогать другъ другу,
Не мыслить врозь и вмѣстѣ жить всегда!
Ты, Ксенія, согласна?

КСЕНІЯ.

Всей душой!

ӨЕДОРЪ.

Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

И сердцемъ и душою!

ӨЕДОРЪ.

Но втайнѣ пусть союзъ нашъ остается!
Тѣмъ крѣпче будетъ онъ. Подумай только,
Чего не сможемъ сдѣлать мы втроемъ!
Ты насъ учи всему, чѣмъ превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будемъ
Тебя знакомить съ Русью!

ХРИСТІАНЪ.

Дай мнѣ Богъ
Ей вмѣстѣ съ вами послужить!

ӨЕДОРЪ.

Втроемъ
Мы воскресимъ то время, о которомъ
Въ старинныхъ книгахъ ты читалъ, когда
Такъ близки были наши дѣды. Боже!
Продли отцу его на долго дни,
Чтобъ Русью стала снова Русь!

КСЕНІЯ.

Господь
Услышь тебя, Өеодоръ!

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Царь идетъ!

БОРИСЪ — входи.

Я перервалъ вашъ, дѣти, разговоръ.
Вы горячо о чемъ-то толковали.
Что, Христіанъ? Успѣлъ ты на Руси
Обжиться съ нами?

ӨЕДОРЪ.

Да, отецъ! Онъ русскій!
И русскій онъ обычай перенялъ:
Онъ на пути къ Москвѣ, себѣ въ забаву,
Смирялъ неѣзженныхъ коней!

БОРИСЪ.

Намъ Власьевъ
И Салтыговъ такъ донесли. Ты любишь
Искать вездѣ опасность, Христіанъ,
То укрощать коней, то по волнамъ
Ладью править въ бурю?

ХРИСТІАНЪ.

Государь,
Я датчанинъ. Намъ, какъ и русскимъ, любо,
Когда не трубятъ бранная труба,
Извѣдывать умѣнье, или силу
Надъ чѣмъ пришлось.

БОРИСЪ.

Но Ксеніи моей
Твоя отвага даровая можетъ
Не по-сердцу придтись.

ХРИСТІАНЪ.

Царевна Ксения!
Скажи сама, по правдѣ: жениха
Ты робкаго могла-ли-бъ полюбить?

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, королевичъ.

БОРИСЪ.

Еслибы у насъ
Была война, тогда-бы, Христіанъ,
Ты удалъ могъ свою намъ показать!

ХРИСТИАНЪ.

О, помяни-жь ты это слово, царь!
И если кто войну тебѣ объявить,
Дай русскую вести мнѣ рать! Клянусь,
Я побѣдить враговъ твоихъ съумѣю,
Иль умереть, отецъ мой, за тебя!

ӨЕДОРЪ.

А мнѣ, отецъ, дозволь идти съ нимъ вмѣстѣ!
Обоимъ намъ дай кровью послужить
Родной землѣ!

БОРИСЪ.

Любезенъ мнѣ вашъ пылъ
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена отъ войнъ теперь на долго.
Не чаемъ мы вторженія враговъ;
Сосѣднія на перерывъ державы
Намъ предлагаютъ дружбу и союзъ;
Совмѣстниковъ на царство мы не знаемъ;
Незыблемъ нашъ и твердъ, стоитъ престолъ —
И мирными придется вамъ дѣлами
Довольнымъ быть.

СТОЛЬНИКЪ—входитъ.

Великій государь —
Бояринъ Годуновъ, Семенъ Никитичъ!

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

ӨЕДОРЪ.

Пойдемъ, братъ Христіанъ,
Пойдемъ, сестра. У батюшки дѣла!

Всѣ трое уходятъ. Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ—смотреть на него съ удивленіемъ.

Что сталося съ тобой? Чѣмъ такъ, Никитичъ,
Встревоженъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Есть чѣмъ тревожиться! Возникнулъ слухъ:
Царевичъ живъ!

БОРИСЪ.

Живъ кто?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Царевичъ Дмитрій!

БОРИСЪ.

Съ ума ты, что-ль, сошелъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

И самъ-бы радъ

Такъ думать, царь; но съ разныхъ къ намъ сторонъ
Все та-же вѣсть приходитъ: живъ Димитрій!

БОРИСЪ.

Кто слышалъ эту вѣсть?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

На площадяхъ,

Въ корчмахъ, вездѣ, гдѣ только два, или три
Сойдутся человѣка, тотчасъ шепчуть
Они о томъ промежь себя.

БОРИСЪ.

И что-жь

По ихнему? Какъ тотъ царевичъ Дмитрій
Воскреснуть могъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Все та-же басня, царь!

БОРИСЪ.

Какая басня? Говори!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Ты помнишь —

Когда, падучимъ схваченный недугомъ,
Упалъ на ножъ и закололся онъ —
Ты помнишь....

БОРИСЪ.

Ну?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Нагѣ оболгали

Тебя, что будто....

БОРИСЪ.

Помню басню ихъ.

Ну, что-жь? Когда-бъ и вправду такъ случилось,
Какъ могъ воскреснуть онъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Убийцы-моль

Ошиблися — зарѣзали другого.

БОРИСЪ — вставая.

Кто смѣетъ это говорить? Его
Весь Угличъ мертвымъ видѣлъ! Ошибиться
Не могъ никто! Клепанинъ и Шуйскій, оба
Его въ соборѣ видѣли! Нѣтъ, нѣтъ,
То слухъ пустой; разсѣется онъ скоро
Какъ вѣтромъ дымъ. Но злостный на меня
Я вижу умыселъ. Опять въ томъ дѣлѣ
Меня винятъ. Забытую ту ложь
Изъ пыли кто-то выкопалъ, чтобъ ею
Ко мнѣ любовь Русіи подорвать!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Романовы Черкасскихъ угощали
Вчерашній день. За ужиномъ у нихъ
Шла рѣчь о томъ-же. Слуги донесли.

БОРИСЪ.

Романовы? Которыхъ я щадила?
Они молву ту распускаютъ? Нѣтъ —
Нѣтъ, этого терпѣть нельзя!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Давно-бы

Такъ, государь!

БОРИСЪ.

Не будемъ торопиться —
Ихъ чтить народъ —

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Лишь развяжи мнѣ руки!

БОРИСЪ — про себя.

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть. Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ, чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобъ въ сердцахъ послушныхъ какъ святыня
Она жила!

Къ Семену Годунову.

Съ Романовыми я
Повременю. Но если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться —
Въ тюрьму его! Ступай, развѣдай, какъ
И кѣмъ тотъ слухъ посѣянъ на Москвѣ?
До корня докопайся — и о всемъ
Мнѣ донеси!

Семень Годуновъ уходитъ.

БОРИСЪ — одинъ.

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ,
Но и не Федоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть, что съ дороги
Отклонить насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ею —
Имъ гнѣвъ явить и кару я счумѣю!

Покой царицы Маріи Григорьевны.

ЦАРИЦА и дьякъ ВЛАСЬЕВЪ

ЦАРИЦА.

Скажи мнѣ все; не бойся молвить правду;
Твои слова не выйдутъ изъ покоя
Изъ этого. Когда ты съ Салтыковымъ
Былъ въ датскую посланъ землю, сватомъ,
Что ты узналъ о женихѣ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всѣ вѣсти

О немъ я, матушка царица, прямо,
Какъ слышала, такъ и отписала къ царю,
Не утай ни слова.

ЦАРИЦА.

Не хитри

Со мной, голубчикъ. Ты, чай, болѣ знаешь,
Чѣмъ отписала. Зачѣмъ король покойный
Услалъ его ребенкомъ отъ себя?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не вѣдаю, великая царица.

ЦАРИЦА.

Я вѣдаю. Король не почиталъ
Его за сына. Такъ-ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Видитъ Богъ,

О томъ не знаю.

ЦАРИЦА.

Аѳанасій Власичъ,

Тебѣ со мной ломаться не разсчитъ.
Ты думный дьякъ, да только вѣдь и мы
Не изъ простыхъ. Инымъ словечкомъ нашимъ
Тебѣ не слѣдъ-бы брезгать. Въ гору можетъ
Оно поднять, да и съ горы содвинуть!
Ну, говори-жь, да не утай, дружокъ:
Вѣдь до рожденья этого Хрестьяна,
Въ совѣтѣ быть король ужъ пересталъ
Съ своею королевой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Были толпи.

ЦАРИЦА.

Ну, видишь-ли!

ВЛАСЬЕВЪ.

Великая царица,

Гдѣ-жь толковъ нѣ бываетъ? Мало-ль что
Болтаеть людъ! По смерти королевы,

Царь Борисъ.

Король вернулъ его къ себѣ; и жилъ-же
Онъ при дворѣ съ своимъ со старшимъ братомъ,
Какъ королевскій сынъ!

царица.

Не за урядъ-ли?
И старшій братъ, теперешній король,
Кажись, не больно жаловаль его.
Такъ, что-ли?

власъевъ.

Всяко люди говорятъ;
Языкъ-то, благо, безъ костей. Не знаю
Какъ было прежде, нонѣ-же они
Въ согласіи; король его зоветъ
Своимъ любезнымъ братомъ.

царица.

А когда
Захочетъ царь, какъ онъ уже задумалъ,
Его эстонскимъ сдѣлать королемъ,
Тогда его какъ братецъ будетъ звать?
Дороже, чай, Эстонская земля
Ему родства покажется съ царемъ!
Найдутся и улики. Ксения-жъ наша
Очутится за нѣкимъ басурманомъ
Безъ племени и роду!

власъевъ.

Эхъ, царица!
Боятся волка—не ходить и въ лѣсъ!
Что толковать когда царевна Ксения
Помолвлена!

царица.

Помолвка не вѣнецъ.
Когда-бы ты, голубчикъ, согласился
Сказать царю что мнѣ ты повѣстилъ...

власъевъ.

Побойся Бога, матушка царица,
Я ничего не говорилъ тебѣ!

ЦАРИЦА.

Ну, ну, добро! Мы знаемъ то, что знаемъ;
Ступай дружокъ, не бойся ничего!

Власьевъ уходитъ.

ЦАРИЦА — обращаясь къ двери.

Дементьевна!

ДЕМЕНТЬЕВНА — входя.

Здѣсь, матушка царица!

ЦАРИЦА.

Ну, что ты тамъ про нихъ узнала?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Встали

Ранѣхонько; на Воробьевы горы
Поѣхали; съ царевичемъ женихъ
Все ѣхалъ рядомъ; много говорили
Промежъ собой; смѣялись; потомъ
Скакались вмѣстѣ; обскакалъ женихъ
Царевича; но этотъ ничего,
Самъ будто радъ; души, вишь, въ нареченномъ
Не часть зятѣ!

ЦАРИЦА.

Съ толку вовсе нѣмчинъ

Его ужъ сбиль.

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Вернулись къ закусѣ;
Отъушавши съ царвною втроемъ,
Въ покоѣ царскомъ вмѣстѣ оставались,
Какъ царь поволить.

ЦАРИЦА.

Новые порядки

Заводить царь. Онъ съ ними, что-ль, сидѣль?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ, матушка; спустя часокъ, изволилъ
Войти въ покой; пришелъ Семень Никитичъ,
Они-жъ ушли: царевичъ съ женихомъ,
Царевна во свѣтлицу.

ЦАРИЦА.

А часокъ

Таки-сидѣли вмѣстѣ? Ну, конечно,
Коль выдають за нѣмчина ее,
Такъ и обычай надо ей нѣмецкій
Перенимать. Чтò слышала еще?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Боярыня вернулась Василиса
Изъ Кіева. Твои повидѣть очи
Ждетъ позволенья.

ЦАРИЦА.

Милости прошу,
Пускай войдетъ.

Дементьевна уходитъ. Входитъ ВОЛОХОВА и кланяется въ землю.

Здорово Василиса!

Вернулась съ богомолья своего?
Ну чтò, голубушка? Какъ можешь?

ВОЛОХОВА.

Терпитъ

Господь грѣхамъ, великая царица!

ЦАРИЦА.

Чтò-жь? Видѣла Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

ВОЛОХОВА.

Охъ, матушка царица,
Какъ хорошо! Охъ, охъ, какъ хорошо!
Просвирку вотъ тамъ вынула во здравье
Твое, царица; а вотъ эту вотъ
За упокой родителя твоего,
Григорія Лукьяныча!

ЦАРИЦА.

Спасибо,

Голубушка. Ну, чтò путемъ-дорогой
Узнала ты?

ВОЛОХОВА.

Чудесное настало,
Царица, время. Знаменья являетъ
Вездѣ Господь: всходили три луны
Намедни вразъ; теленкомъ двухголовымъ
Корова отелилась; колокольни

Отъ вѣтра падаютъ. И все то мнѣ
Печерскій нѣкій старецъ толковалъ:
Великія настанутъ перемѣны
И скоро-де совсѣмъ не будетъ можно
Узнать Руси!

царица.

Да. И теперь ее,
Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

волохова.

Какъ не слышать!
Отъ радости, повѣришь-ли, царица,
И ноги подкосились!

царица.

Ну, не много
Тутъ радости.

волохова.

Какъ, матушка?

царица.

Да развѣ
Своихъ князей-то нѣ-было? Не то,
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньюшку посватать!

волохова.

А еще-бы!

Еще-бъ не радъ!

царица.

Чѣмъ нѣмчина, Богъ вѣсть
Отколь выписывать.

волохова.

Ахъ свѣтъ-царица!
Сказать-ли правду! Какъ узнала я,
Что нѣмчинъ онъ, такъ и кольнуло въ сердце!
Ей Богу, право!

царица.

Слушай, Василиса:
Вѣдь не проста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно, что не спростá, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаянный,
Приворожилъ царевну. И царя
Съ царевичемъ, должно быть обошелъ.
Я Феодора не узнаю съ тѣхъ поръ,
Какъ на Москву женихъ пріѣхаль. Смотрить
Ему въ глаза, и только!

ВОЛОХОВА.

Право дѣло,
Царица матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услышала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ приворотъ!

ЦАРИЦА.

А какъ по твоему?

Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка царица,
Какъ не помочь! Развѣдать только надо:
Въ чемъ сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Слѣдокъ его, царица,
Дай вынуть мнѣ и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

ЦАРИЦА.

Спасибо, мать. Прости-жь теперь. Объ этомъ
Съ тобою послѣ потолкуемъ мы. Волохова уходитъ.

ЦАРИЦА — одна.

Спѣсивъ ужъ больно сталъ со мной Борисъ
Феодорычъ. Дочь вздумаль, не спросяся

У матери, за басурмапа выдать!
Нѣтъ, погоди! Еще поспоримъ вмѣстѣ!

Лѣсъ.

Разбойничій станъ.

Атаманъ ХЛОПКО-КОСОЛАПЪ сидитъ на колодѣ. Передъ нимъ эсаулъ РѢШЕТО.
Другіе разбойники стоятъ, или сидятъ отдѣльными кружками.

ХЛОПКО.

Хорошъ бы день, да некого бить. Кто сегодня на калуж-
ской зѣсѣкѣ?

РѢШЕТО.

Саранча съ десятью молодцами.

ХЛОПКО.

А у Краснаго столба?

РѢШЕТО.

Шестоперъ съ Поддубнымъ. Митька сидитъ коло московской
дороги.

ХЛОПКО.

Одинъ, что-ли?

РѢШЕТО.

Кого ему еще? Онъ и одинъ десятерыхъ стоить!

Подходитъ эсаулъ НАКОВАЛЬНЯ.

НАКОВАЛЬНЯ.

Атаманъ! Обходчики еще пять человѣкъ крестьянъ привели;
къ тебѣ просятъ. Вотъ ужъ третья артель на этой недѣлѣ.

ХЛОПКО.

Экъ ихъ подваливаетъ! Кажинный день новыя! Давай сюда.

Наковальня уходитъ.

ХЛОПКО — къ РѢшету.

А повѣсили тѣхъ молодцовъ, что къ намъ воевода вчера
подослалъ?

РѢШЕТО.

Чѣмъ свѣтъ обоихъ вздернули.

ХЛОПКО.

Ладно.

Наковальня возвращается съ пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку въ поясъ.

ГОЛОСА.

Въ ноги! Въ ноги!

Крестьяне кланяются въ ноги.

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

КРЕСТЬЯНЕ.

Къ твоей милости!

ХЛОПКО.

Чего просите?

ОДИНЪ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Защити, отецъ родной, Отъ вотченниковъ своихъ утекли.
Хотимъ служить тебѣ вольными людьми!

ХЛОПКО.

Что, солоно, чай, на привязи пришлось.

ДРУГОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не въ моготу, родимый. Работы ну-тебѣ, а уходить не смѣй.
Напредѣ того, бывало, нелюбо тебѣ у кого — иди куда хошь!
Который вотченникъ будетъ пощедливѣй, къ тому и иди! А
нонѣ, каковъ ни будь, гдѣ тебя указъ тотъ засталъ, тамъ и сиди;
хошь волкомъ вой, а сиди.

ХЛОПКО.

Спасибо царю: о насъ постарался; нашего полку прибыло.

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Защити отецъ! Прими къ себѣ!

ХЛОПКО.

Много васъ приходитъ; да такъ ужъ быть, приму. А уго-
воръ такой: что прикажу — то, не разговаривая, дѣлать. А кто
что не такъ — одна расправа: петля на шею. Согласны?

КРЕСТЬЯНЕ.

Согласны, батюшка! Будемъ служить тебѣ!

ХЛОПКО.

Ну, ступайте въ курень!

Крестьяне уходятъ. Является посадскій.

ПОСАДСКІЙ.

Кто здѣсь Хлопко?

РАЗБОЙНИКИ.

Этотъ откуда выскочилъ? — Кто онъ такой? Съ неба свалился? — Да ты знаешь-ли куда попалъ? — Смотри, и шапки не ломаетъ!

ПОСАДСКІЙ.

Глухи вы, что-ли? Гдѣ атаманъ вашъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Вишь, какой шустрый! Да ты развѣ о двухъ головахъ?

ПОСАДСКІЙ.

А вы, чай, съ придурью? Да я и безъ васъ найду его!

Осматривается и идетъ прямо на атамана.

Ты Хлопко-Косолапъ!

ХЛОПКО.

Косолапъ и есть. Не ладно скроенъ, да крѣпко сшить. Побываешь въ моихъ лапахъ — узнаешь меня!

ПОСАДСКІЙ.

Хаживали на медвѣдя, не въ диковину намъ.

Ропотъ.

А коли ты атаманъ, такъ чего смотришь? За поль-версты отсель меня съ двумя товарищи, остановилъ тюлень какой-то, здоровѣе тебя будетъ. Я ему толкую: мы къ тебѣ; а онъ, увалень, не говоря ни слова, сгребъ ихъ двухъ да и потащилъ.

РАЗБОЙНИКИ.

Ха, ха, ха! Да это они на Митьку наткнулись!

ПОСАДСКІЙ.

Я-бы разбилъ ему черепъ, да съ тобой ссориться не хотѣлъ.

ХЛОПКО.

Эй, милый человѣкъ! Да ты, я вижу безъ чиновъ!

ПОСАДСКІЙ.

Не въ моемъ обычаѣ.

ХЛОПКО.

А вотъ я тебя, душа моя, сперва на сукъ вздерну, а потомъ спрошу объ имени-прозвищѣ.

ПОСАДСКІЙ.

Ну, нѣтъ, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

ХЛОПКО.

Да кто-жъ ты такой?

ПОСАДСКІЙ.

Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло промочить.

Къ разбойникамъ.

Эй! Вина!

Садится рядомъ съ Хлопкомъ.

Я къ тебѣ за дѣломъ, дядя; ты нуженъ мнѣ. Какъ по-твоему, кто у насъ царь на Руси?

ХЛОПКО.

Да ты и въ вправду не шутишь-ли со мной?

ПОСАДСКІЙ.

Я не шучу. А ты не отлынивай, говори: кто царь на Руси?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Борисъ Ѳедорычъ!

ПОСАДСКІЙ.

Неправда! Не отгадалъ! Дмитрій Иваннычъ.

ХЛОПКО.

Какой, шутъ, Дмитрій Иваннычъ?

ПОСАДСКІЙ.

Да развѣ ихъ два? Вѣстимо какой! Сынъ царя Ивана! Тотъ, кого воръ Годуновъ хотѣлъ извести, да не извелъ! Тотъ, кто собираетъ рать удалцовъ, на Москву вернуться, свой отцовскій столъ завоевать! Не вѣришь? Я отъ него къ тебѣ присланъ. Онъ жалѣетъ васъ; зоветъ тебя, со всѣми людьми, къ литовскому рубежу!

Разбойники столпяются вокругъ Посадскаго.

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь! Царевичъ зоветъ! Не даромъ шла молва, что живъ царевичъ!

ХЛОПКО.

Молву-то мы знаемъ, да кто-жъ мнѣ порукой, что этотъ къ намъ не подосланъ?

ПОСАДСКІЙ.

Какой тебѣ поруки? Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, услышишь о Дмитріѣ. Чѣмъ тебѣ здѣсь отъ Борисовыхъ воеводъ отстрѣливаться, иди ко Брянску лѣсными путями, становись подъ царскій стягъ! Великій государь пожалуетъ тебя; у него съ тобой одинъ супостатъ — воръ Годуновъ!

ХЛОПКО.

А, чортъ возьми, пожалуй и правда!

Шумъ за сценой. Является МИТЬКА, таща за шиворотъ одной рукой МИСАИЛА ПОВАДИНА, другой ГРИГОРІЯ ОТРЕПЬЕВА.

РАЗВОЙНИКИ.

Вотъ онъ и Митька! Ай-да Митька! Ай-да тюлень! Тащи, тащи! Не давай имъ упираться! Тащи ихъ сюда, посмотримъ, что они за люди!

МИТЬКА — подтащивъ обоихъ къ Хлопку.

Пущать, что-ли?

ХЛОПКО.

Погоди пущать; допросимъ ихъ сперва. Кто вы такіе? Ты кто?

МИСАИЛЬ.

Смиранный инокъ Мисаиль!

ХЛОПКО.

А ты?

ГРИГОРІЙ.

Смиранный инокъ Григорій!

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

МИСАИЛЬ.

Не сами пришли, пресвѣтлый и многославный воевода! Влекомы есми силою хищника сего!

ХЛОПКО.

Да въ лѣсъ-то мой какъ вы попали?

ГРИГОРІЙ.

Отъ немощи человѣческія плотскими боримые похоти, изъ монастыря пречестнаго Чуда, что на Москвѣ-рѣцѣ, бѣжахомъ!

МИСАИЛЬ.

А простыми словами: изъ-подъ начала ушли; яви намъ милость, повелитель, дай у себя пристанище!

ХЛОПКО.

Биться дублами умѣете?

МИСАИЛЬ.

Не сподобилъ Господь.

ХЛОПКО.

А на кулакахъ деретесь?

ГРИГОРІЙ.

И сей не вразумлены мудрости.

ХЛОПКО.

Такъ на кой вы мнѣ прахъ?

МИСАИЛЬ.

Прими насъ, славный витязь, душеспасенія ради!

ГРИГОРІЙ.

Насыти насъ, гладныхъ, паче-же утоли жажду нашу сокомъ гроздія винограднаго, сирѣчь: вели пѣннику поднести!

ХЛОПКО.

Пѣннику вамъ поднесутъ; только у меня такой обычай: кого къ себѣ примаю, тотъ сперва долженъ свою удалъ показать. Выходите оба съ Митькой на кулачки. Коли вдвоемъ побьете его, будетъ вамъ и пристанище.

Хохоть между разбойниками.

МИТЬКА.

Пуцать, чтò-ли?

ХЛОПКО.

Пуцай!

МИСАИЛЬ.

Умилосердись, повелитель!

ГРИГОРІЙ.

Не обреки, воевода, членовъ нашихъ сокрушенію!

ХЛОПКО.

Да развѣ онъ одинъ вамъ двоимъ не подь-силу?

МИСАИЛЬ.

Свирѣпъ и страховиденъ!

ГРИГОРІЙ.

Дикообразенъ и скотоподобенъ!

ПОСАДСКІЙ — вставая.

Оставь ихъ, дядя Косолапъ! Гдѣ инокамъ смиреннымъ вучачиться? Вотъ я, пожалуй, выйду замѣсто ихъ!

ХЛОПКО.

Ты?

ПОСАДСКІЙ.

Ну, да, я.

ХЛОПКО.

На Митьку?

ПОСАДСКІЙ.

На Митьку, коли онъ Митька.

ХЛОПКО.

Одинъ?

ПОСАДСКІЙ.

А то какъ-же еще?

ХЛОПКО.

Да ты знаешь-ли Митьку? Вѣдь коли ты подосланъ, я успѣю повѣсить тебя, а коли ты вправду отъ царевича, такъ не слѣдъ тебѣ убиту быть.

ПОСАДСКІЙ.

За меня не бойся!

ХЛОПКО.

Ой-ли? Ну, какъ знаешь, посмотримъ. Становись, Митька!

МИТЬКА.

Чаво становиться-то?

ХЛОПКО.

Ну, собачій попъ, не разговаривай, становись!

ПОСАДСКІЙ.

Помѣряемся, тѣзка! Побей меня.

МИТЬКА.

А что ты мнѣ сдѣлалъ?

ПОСАДСКІЙ.

Такъ тебѣ надо что сдѣлать сперва? Изволь!

Сшибаетъ съ него шапку.

МИТЬКА.

Что-жь ты это?

ПОСАДСКІЙ.

Мало съ тебя?

Толкаетъ его въ бокъ.

МИТЬКА.

Не замай — тресну!

ПОСАДСКІЙ.

А я тебя!

МИТЬКА.

А ну, подойди!

Разбойники хохочутъ. Бой начинается. Митька и посадскій, ставъ другъ противъ друга, ходятъ кругомъ, лѣвая рука на тычку, правая на маху. Михайль и Григорій садятся на землю и смотрятъ.

ПОСАДСКІЙ.

Что-жь не бьешь?

МИТЬКА.

А вотъ стой!

Хочетъ ударить Посадскаго; тотъ увертывается и бьетъ его въ плечо.

МИХАИЛЬ.

Эхъ!

ГРИГОРІЙ.

Разъ!

Разбойники хохочутъ.

МИТЬКА.

Ты чаво вертишься?

ПОСАДСКІЙ.

Не буду, тѣзка. Изловчись, я подожду.

МИТЬКА — размахнувшись.

Такъ на-жь тебѣ!

Бьетъ силеча, Посадскій сторонится, Митька, съ размаху, падаетъ о-земь.

ПОСАДСКІЙ — притиснувъ его колѣномъ.

Убить, аль жива оставить?

РАЗБОЙНИКИ.

Ай-да, молодецъ! — Вотъ лихо было! — Невиданное дѣло! — Митьку осѣдаль!

ПОСАДСКІЙ — отпуская Митьку.

Кого люблю, того и бью. Вставай, тѣзка, помиримся! Приходи въ Сѣверскую землю, подъ царскій стягъ! Царевичъ Дмитрій пожалуетъ тебя!

хлопко.

Таъ ты, что-ли, вправду отъ царевича? Побожись!

ПОСАДСКІЙ.

Каъ Богъ святъ, самъ Дмитрій зоветъ васъ! Много-ль у тебя бѣглыхъ крестьянъ, дядя Косолапъ?

хлопко.

Довольно есть, да мнѣ все не вѣрится....

ПОСАДСКІЙ — къ толпѣ.

Православные! Когда сядетъ Дмитрій на свой отцовскій столъ, всѣмъ Юрьевъ день отдасть, всѣ кабалы порѣшитъ, всѣмъ свобода по старому!

КРИКИ.

Воздай ему Господь! Помоги ему на престолъ!

ПОСАДСКІЙ.

Казну Борисову межъ васъ раздѣлить!

КРИКИ.

Живеть Дмитрій Иванычъ!

ПОСАДСКІЙ.

А теперь, ребята, атаманъ велитъ про его царское здоровье до-пьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какія тамъ у васъ бочки! Дядя Косолапъ угощаетъ!

Общее смятеніе, шумъ и крики. Посадскій незамѣтно скрывается.

хлопко.

Эй ты, пострѣль! Да гдѣ-жь это онъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Кто?

хлопко.

Каъ кто? Тотъ, что взбударажилъ насъ!

РАЗВОЙНИКЪ.

Онъ сейчасъ тутъ стоялъ.

ХЛОПКО.

Куда-жъ онъ пропалъ? Насатанилъ да и провалился! Эй вы, отцы святыя, кто это былъ?

МИСАИЛЪ.

Не вѣмъ.

ГРИГОРІЙ.

Не сказался ми.

ХЛОПКО.

Какъ, черти, не сказался? Вѣдь вы съ нимъ пришли, наплѣшники?

МИСАИЛЪ.

На исходящѣ путей стеклися, повелитель! Сладкорѣчіемъ мужа сего прельщенны есмы!

ГРИГОРІЙ.

Онъ-же убѣди насъ купно съ нимъ предъ очеса предстати твоя, имени-же своего не объяви!

ХЛОПКО.

Ну, дьявина!

КРИКИ.

Эхма! Царевичъ въ Сѣверскую землю зоветъ! На Москву хочетъ вести! — Намъ Борисову казну отдаетъ! Къ царевичу! Къ царевичу! Веди насъ, атаманъ! — Когда къ царевичу поведешь?

ХЛОПКО.

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

Шумъ и смятеніе.

ДѢЙСТВІЕ III.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

БОРИСЪ.

Нелѣпная, безумная та вѣсть —
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Димитрія, на насъ
Идетъ войной; литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасѣ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему перебѣгаютъ —
Молвой Москва встревожена — его
Намъ презирать нельзя! Доколь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Димитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно-ль?
Меня бродяга измѣнить заставить
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ-жъ свѣтъ тотъ лучезарный,
Въ которомъ мнѣ являлся мой престоль,
Когда къ нему я темной шель стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, дѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать, что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣй
Я пресѣчу, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.

Входитъ Семень Годуновъ.

Ну, что?

Что ты узналъ? Кто этотъ человекъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Самъ сатана, я думаю! Нигдѣ
Я до слѣдовъ его не могъ добратся.
Подъ стражу мы людей довольно взяли,

Царь Борисъ.

Пытали всѣхъ; но ни съ огня, ни съ дыба,
Намъ показаній нѣ-далъ ни одинъ.

БОРИСЪ.

Мы знать должны кто онъ! Во что-бъ ни стало,
Его назвать — хотя пришлось бы имя
Намъ выдумать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Найти такое можно.

Былъ въ Чудовѣ монахъ, Григорьемъ звали,
Стрѣлецкій сынъ, изъ Галича. Бѣжалъ
Недавно онъ, и, пьяный, похвалялся:
Царемъ-де буду на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Зачѣмъ

Меня не извѣстили?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь,

То былъ пустой, безпутный побродяга,
Хвастунъ и враль; монахи всѣ ему
Въ глаза смѣялись.

БОРИСЪ.

Но, можетъ быть,

То онъ и есть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, не онъ.

Тотъ воръ уменъ, мечомъ владѣть умѣетъ,
А этотъ только бражничаль да лгаль.

БОРИСЪ.

Какихъ онъ лѣтъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лѣтъ двадцати, иль болѣ.

БОРИСЪ.

Куда бѣжалъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На Стародубъ. Оттоль

Ушолъ въ Литву.

БОРИСЪ.

Какъ прозывался онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Отрепьевымъ.

БОРИСЪ.

Онъ намъ пригоденъ. Имъ
Того пока мы вора назовемъ.
Лишь то, что намъ является въ туманѣ,
Смущаетъ насъ; что осязать мы можемъ,
Или назвать — свою теряетъ силу.
Гонца въ Литву отправить къ королю:
Чтобы скорѣй свою унялъ онъ шляхту;
Что стыдно-де пособіе чинить
Негодному, безпутному бродягѣ;
Что Гришка-де Отрепьевъ, бѣглый инокъ,
Морочить ихъ; что если въ мирѣ быть
Со мной хотять — чтобъ выдали его!
Развѣдчиковъ умножить. Знать я долженъ,
Что говорить, что думаютъ бояре,
Имъ на-руку пришла эта вѣсть!
Романовымъ избраніе мое
Досель какъ ножъ; ближайшею роднею
Они себя Θεодору считаютъ;
А Шуйскіе мнѣ рады-бъ отомстить
За князь Иванъ Петровича; всѣ-жъ вмѣстѣ
Мнѣ Юрьевъ день простить они не могутъ!
Что слышно въ городѣ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

По вечерамъ
Къ Романовымъ съѣзжаются бояре
И шепчутъ много, но отъ слугъ они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
Въ молчаніи.

БОРИСЪ.

Измѣнниче гнѣздо!
Я знаю чью! Награду обѣщать
Тому, кто мнѣ на нихъ найдетъ улику!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Улика будетъ.

БОРИСЪ.

Голодь, между тѣмъ,
Досель еще свирѣпствуетъ. Напрасно
Народу я всѣ житницы открылъ,
Истощены мои запасы. Въ день,
Когда вѣнецъ я царскій мой пріялъ,
Я обѣщаль: послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать, чѣмъ допустить, чтобъ былъ
Кто либо нищъ, иль бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнитъ
Чтò обѣщаль. Когда казны нѣ станетъ,
Онъ серебро и золото отдастъ,
Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
Свою отдастъ — но чтобъ лихихъ людей
Не слушали; чтобы ловили всѣхъ,
Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
Произнести!

Входитъ царевичъ Ѳедоръ.

Мстиславскому сказать,
Чтобъ воеводство надъ войсками принялъ.
Украинскимъ ужъ болѣ воеводамъ
Не вѣрю я. Ступай, исполни все
Какъ я велѣлъ.

Семень Годуновъ уходитъ.

ѲЕДОРЪ.

Отецъ, такъ это правда?
Землѣ грозитъ опасность? Этотъ дерзкій,
Безумный самозванецъ въ самомъ дѣлѣ
Могъ обмануть украины? Могъ рубежъ
Переступить? и на тебя войною
Теперь идетъ?

БОРИСЪ.

Не долго будетъ онъ,
Надѣюсь я, торжествовать. Улики
У насъ въ рукахъ.

ѲЕДОРЪ.

Но, между тѣмъ, у насъ
Онъ городá беретъ? Отецъ, пошли,
Пошли меня и брата Христіана
Къ твоимъ войскамъ! Вели, чтобъ подъ начало
Онъ взялъ меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ, еслибъ врагъ
Достойный шелъ на Русь, быть можетъ, я
Послалъ-бы васъ; но съ этимъ темнымъ ворогъ
Царевичу всея Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахѣ обреченъ —
Не царскими тотъ имется руками.

ѲЕДОРЪ.

Не княжескими также. Ты однако
Мстиславскаго на этого врага
Сейчасъ послалъ. Его ты, стало быть,
Ничтожнымъ не считаешь. Ты велишь
Хватать всѣхъ тѣхъ, кто произноситъ имя
Покойнаго царевича — отецъ,
Намъ правосудье вѣдомо твое —
Ты могъ-ли-бы то сдѣлать, еслибъ ты
Опасности не чаялъ? Мы со Ксеньей
Объ этомъ долго толковали; горько
Казалось и непонятно намъ,
Что ты, отецъ, который столько разъ
Намъ говорилъ: «я лишь дѣла караю,
Но ни во чью не вмѣшиваюсь мысль» —
Что началъ ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казнь! Но мы рѣшили такъ:
Насилуешь свое, отецъ, ты сердце
Затѣмъ, что Русь въ опасности. И если
Оно такъ есть — и если въ самомъ дѣлѣ
Опасность ей грозитъ — кому-жъ, отецъ,
Встрѣчать ее, кому коли не мнѣ?

БОРИСЪ.

Кипить въ насъ быстро молодости кровь;
Хотѣлъ бы ты, во что-бъ ни стало, доблесть
Свою скорѣ показать; но разумъ
Иного требуетъ. Ты призванъ, сынъ,
Русійскимъ царствомъ править. Намъ не даромъ
Величіе дается. Отказаться
Отъ многого должны мы. Обо мнѣ
Со Ксеньей вы вмѣстѣ толковали —
Въ одномъ вы не ошиблись: не охотно

Ко строгости я прибѣгаю. Сердце
Меня склоняетъ милостивымъ быть.
Но если злая мнѣ необходимость
Велить карать — я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестокимъ.

ФЕДОРЪ.

Видишь!

Ты говоришь: необходимость — стало,
Опасность есть!

БОРИСЪ.

Она явиться можетъ —
И чтобъ ее предупредить, я долженъ
Теперь быть строгъ. Когда придетъ пора,
Я къ милости вернусь. Гдѣ Ксенья? Мы
Не видѣлись сегодня. Пусть она
Ко мнѣ придетъ.

Федоръ уходитъ.

Мнѣ кажется, когда
Ея услышу голосъ, легче будетъ
Мнѣ на душѣ. Цареня моего
Безоблачна взошла заря. Какую
Она, всходя, мнѣ славу общала!
Ее не можетъ призракъ помрачить!
Съ минувшимъ я покончилъ. Чтò свершилось,
То кануло въ ничто! Какое право
Имѣетъ прахъ? Земля меня вѣнчала,
А хочеть тѣнь войти въ мои права!
Я съ именемъ, со звукомъ, спорить долженъ!

Федоръ возвращается со Ксеніей.

Поди ко мнѣ, дитя мое, садись —
Но чтò съ тобой? Ты плакала?

КСЕНІЯ.

Отецъ —

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь, какъ будто ты какую
Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да, мой отецъ,
Ты молвилъ правду — понесла утрату
Я страшную! Не я одна — мы всѣ —

Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
Утратили мы всѣ — ты сталъ не тотъ!
Куда твоя дѣвалась благость? Ты-ли,
Ты-ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался — радость
Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
Съ любовію смотрѣли и съ довѣрьемъ —
Теперь-же — о какая переменна!
Теперь со страхомъ смотрять на тебя!
Взгляни вокругъ: вездѣ боязнь и трепеть —
Ужъ были казни — о доносахъ шепчуть,
Которые ты награждать велишь —
Москва дрожить — такъ было, говорить,
Во времена царя Ивана —

БОРИСЪ.

Ксения —

КСЕНИЯ.

Ты сталъ жестокъ —

БОРИСЪ.

Опомнись Ксения. Ты

Меня довольно знаешь. Если я,
Котораго терпѣніе тебѣ
Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать —
То, стало быть, я не могу иначе!
Ты то пойми.

КСЕНИЯ.

Нѣтъ, этого понять
Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
Ты чистъ какъ день! Презрѣніемъ лишь долженъ
Ты отвѣчать на эту клевету!

БОРИСЪ.

Такъ на нее доселѣ отвѣчала я.
Но, Ксения, презрѣніе мое
Почли за страхъ. Ты слышала, какую
Они сплели объ этомъ дѣлѣ басню —
Невѣдомый воспользовался воръ
Молвою той, и нынѣ —

ХРИСТИАНЪ — отворяя дверь.

Государь,
Могу-ли я...?

БОРИСЪ.

Войди.

ХРИСТИАНЪ.

Великій царь —
Дозволишь-ли мнѣ молвить?

БОРИСЪ.

Говори.

ХРИСТИАНЪ.

Отецъ и царь! Увѣренъ-ли ты въ томъ,
Что человѣкъ, который на тебя
Идетъ войной — не истинный Димитрій?

БОРИСЪ.

Въ умѣ-ль ты, королевичъ? Кто въ тебя
Вселилъ ту мысль?

ХРИСТИАНЪ.

Молва такая ходитъ —
За тайну мой совѣтникъ Голькъ сегодня
Мнѣ повѣстилъ, что слышалъ гдѣ-то онъ:
Не самъ царевичъ Димитрій закололся,
Но былъ убитъ. Иные-жъ говорятъ,
Что не его убили, но другого,
Ошибкою. Одинъ противорѣчить
Другому слухъ. Кто знаетъ, государь,
Не скрыто-ль что въ семь дѣлъ отъ тебя?
И всѣ-ль тебѣ подробности извѣстны
Димитріевой смерти? Можетъ быть,
Въ тѣ дни и вправду было покушенье
На жизнь его, и спасся онъ? Я тотчасъ
Подумалъ, царь, что если въ самомъ дѣлѣ
Димитрій живъ — ты первый поспѣшишь
Его признать!

БОРИСЪ.

И ты не обманулся.
Когда-бъ нежданно истинный Димитрій

Явился намъ—я первый-бы на встрѣчу
Ему пошелъ и передъ нимъ сложилъ-бы
Я власть мою и царскій мой вѣнецъ.
Но Дмитрій мертвъ! Онъ прахъ! Сомнѣннй нѣтъ!
И лишь одни враги Руси, одни
Измѣнники тотъ распускаютъ слухъ!
Забудь о немъ. Въ Димитріевой смерти
Увѣренъ я.

ӨЕДОРЪ.

Но такъ-ли онъ погибъ,
Какъ донесли тебѣ, отецъ? Въ томъ слухъ
Объ углицкомъ убійствѣ часто правда
Мнѣ чуялась. Со дня-жъ какъ мамку ту
Увидѣлъ я —

БОРИСЪ.

Гдѣ встрѣтился ты съ ней?

ӨЕДОРЪ.

У матушки.

БОРИСЪ.

Ей во дворцѣ не мѣсто.
За клевету Нагихъ ее втунору
Я щедро наградилъ; съ нея довольно —
Ей здѣсь не мѣсто!

ӨЕДОРЪ.

Стало быть, и ты,
Отецъ, ее подозрѣваешь?

БОРИСЪ.

Нѣтъ!

Нѣтъ, никого подозрять не могу.
Доказано мнѣ вѣрно: закололся
Въ недугѣ онъ!

СТОЛЬНИКЪ — входя.

Великій государь,
Царица къ милости твоей идетъ!

БОРИСЪ.

Что надо ей? Мнѣ некогда!

СТОЛЬНИКЪ.

Она

Ужъ у дверей.

БОРИСЪ.

Оставьте, дѣти, насъ!

Федоръ, Ксенія и Христіанъ уходятъ. Входятъ боярыни, а за ними царица.

ЦАРИЦА — съ поклономъ.

Не прогнѣвись, свѣтъ-государь Борисъ
Феодорычъ, и на свою рабу
Не наложи опалы за доuku!

Къ боярынямъ.

А вы, голубушки, ступайте въ сѣни,
Пождите тамъ.

Боярыни уходятъ.

БОРИСЪ.

Какой тебя, царица,
Приводитъ спѣхъ?

ЦАРИЦА.

Охъ свѣтъ мой, государь,
Мы всѣ спѣшимъ! Ты Ксеньюшку посватать
Вотъ поспѣшилъ, а королевичъ твой
Слѣшить провѣдать какъ пропалъ царенокъ
Тамъ въ Угличѣ. И нѣмчины его
Промежъ себя толкуютъ: ужъ не вправду-ль
Зарѣзанъ былъ царенокъ? Какъ оно
По твоему? По моему, не гоже;
Имъ толковать не слѣдъ.

БОРИСЪ.

Ихъ толкамъ я
Не властенъ помѣшать; всѣ-жь рѣчи ихъ
Мнѣ вѣдомы.

ЦАРИЦА.

Всѣ-ль, свѣтъ мой? А вотъ мнѣ
Оно не такъ сдается. Не смекнулъ-ли
Чего женихъ? Онъ эти дни съ чего-то
Сталъ пасмуренъ.

БОРИСЪ.

Не мнишь-ли ты, онъ слухамъ
Повѣрилъ тѣмъ?

ЦАРИЦА.

Гдѣ мнѣ мнѣ, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотѣлъ ты слушать
Что про его рожденіе тебѣ
Сказала я. Когда ты положилъ,
Чтобъ этотъ безотцедай сынъ дѣтей
Сбилъ съ разума — твоя святая воля!
Таеъ, значитъ, быть должно!

БОРИСЪ.

Царица Марья —
Куда ты гнешь? Коли что знаешь ты,
Скажи мнѣ прямо!

ЦАРИЦА.

Батюшки мои!
Что-жь я скажу? Ты развѣ самъ не видишь?
Женихъ съ дѣтми толкуеть цѣлый день;
Тѣ слушаютъ; сомнѣніе на нихъ
Ужь онъ навель. Пожди еще немного,
И скоро все они узнають.

БОРИСЪ.

Марья!
Я запретилъ тебѣ напоминать
Объ этомъ мнѣ!

ЦАРИЦА.

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вотъ скоро лѣтъ молчала,
Да не пришла-ль пора заговорить?
Не поздно-ль будетъ, если нѣмчинъ твой
Доищется улики на тебя?

БОРИСЪ.

Чего-жь ты хочешь?

ЦАРИЦА.

Мнѣ-ль чего хотѣтъ,
Свѣтъ-государь! Свое я мѣсто знаю.
Мнѣ, безтолковой бабѣ, и не гоже
Совѣтовать тебѣ. Ты дочь посваталъ
Безъ моего совѣта; безъ меня-же
Ты самъ найдешь что сдѣлать!

БОРИСЪ.

Въ Христіанѣ

Увѣренъ я.

ЦАРИЦА.

Увѣренъ, такъ и ладно.

По моему-жъ, по бабьему уму,
Не отъ народа ждать бѣды намъ надо,
Не отъ бояръ—не въ городѣ для насъ
Опасность есть, а въ теремѣ твоемъ.
Доколѣ въ немъ останется твой нѣмчинъ—
Спокойно спать не можемъ мы!

БОРИСЪ.

Довольно!

Молчи о томъ. Царю Руси нѣтъ дѣла,
Что дочери Скуратова Малюты
Не по-сердцу женихъ избранный имъ.
Не твоему то племени понять
Что для Руси величія пригодно!

ЦАРИЦА.

Гдѣ, батюшка, намъ это понимать!
Родитель мой служилъ царю Ивану
По простотѣ. Усердіе его
Царь жаловалъ. А ты меня посваталъ
Чтобы къ царю Ивану ближе стать.
Что-жъ? Удалось. Ты царскимъ своякомъ,
Ты шуриномъ сталъ царскимъ, а потомъ
Правителемъ, а нынѣ государемъ.
Гдѣ-жъ дочери Скуратова Малюты
Указывать тебѣ! Передъ тобой
Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости-же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью рѣчь. Впередъ, отецъ, не буду!

Уходить. Входить Семень Годуновъ.

БОРИСЪ.

Какія вѣсти? Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Черниговъ взять!

БОРИСЪ.

Не можетъ быть!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Измѣнники связали
Въ немъ воеводъ и къ вору привели.
Путивль, Валуйки, Бѣлгородъ, Воронежъ,
Ему сдались — Елецъ и Кромы также.
Одинъ лишь Сѣверскъ держится. Басмановъ
Засѣлъ въ немъ на-смерть. Лаской и угрозой
Старался воръ склонить его, но онъ
На увѣщанья отвѣчалъ ему
Картечию.

БОРИСЪ.

Я не ошибся въ немъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Я говорилъ тебѣ: не вѣрь боярамъ!
Вѣрь только тѣмъ, кто, какъ и мы съ тобой,
Не древней крови!

БОРИСЪ.

Что еще принесъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Мятежный духъ какъ будто обуялъ
Не только край, но самыя войска.
Что день, къ врагу они перебѣгаютъ,
Скудѣеть рать —

БОРИСЪ.

О чемъ-же воеводы
Тамъ думаютъ? Отъ страху-ль потеряли
Разсудокъ свой? Наказъ послать имъ строгій,
Чтобъ вѣшали измѣнниковъ! Чтобъ всѣхъ,
Кто лишь помыслить къ вору перейти,
Всѣхъ, безъ пощады, смертію казнили!
Не то — я самъ явлюся между нихъ! —

СТОЛЬНИКЪ — входя.

Бояринъ князь Василь Ивановичъ Шуйскій!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Съ чѣмъ старая лисица приплелась?

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

Шуйскій входитъ. Борисъ смотритъ на него пристально.

Ты слышалъ вѣсти?

ШУЙСКІЙ.

Слышалъ,

Царь-государь.

БОРИСЪ.

Что скажешь ты на это?

ШУЙСКІЙ.

Не ладно, царь.

БОРИСЪ.

Не ладно — вижу я!

А кто виной? Бояре продаютъ —

Да, продаютъ меня!

ШУЙСКІЙ.

Суди ихъ Богъ!

БОРИСЪ.

Имъ божьяго суда не миновать.

Но до того я въ скорыхъ числахъ буду

Ихъ самъ судить. Мстиславскаго межъ тѣмъ

Я къ рати шлю.

ШУЙСКІЙ.

Ему и книги въ руки.

Онъ старше всѣхъ. Головъ тамъ больно много.

Не прогнѣвись, великій государь,

За простоту, дозволю мнѣ слово молвить.

БОРИСЪ.

Скажи.

ШУЙСКІЙ.

Когда-бъ ты захотѣлъ туда

Поѣхать самъ — все снялъ-бы какъ рукою.

БОРИСЪ.

А вамъ Москву оставить? Знаемъ это.
Нѣтъ, оставлять Москву царю не часъ.
Придумай лучше.

ШУЙСКІЙ.

А не то, еще
Вотъ чтó, пожалуй: вдовая царица,
Димитріева мать, теперь на Выксѣ,
Пострижена сидитъ. Ее-бы, царь,
Ты выписалъ. Пускай передъ народомъ
Свидѣтельствуешь крестно, что Димитрій
Во гробѣ спитъ.

БОРИСЪ.

Послать за ней! Но дологъ
До Выксы путь. Возстановить покорность
Мы здѣсь должны. Примѣръ я надъ иными
Ужъ показаль. Чтó? Утихають толки?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужъ и не знаешь право
Кого хватать, кого не трогать? Всѣ
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та-же пѣсня: царь Борисъ хотѣль-де
Димитрія царевича извести,
Но божіимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
И будеть скоро....

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!
Иль устрашить тѣмъ думаютъ меня
Что много ихъ? Но еслибъ сотни тысячъ
Меня въ глаза убійцей называли —
Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смириться
Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я-жь его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винять упорно —
Такъ я-жь упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ кто изъ насъ устанеть прежде!

Домъ Ѳедора Никитича Романова.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ, АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ, КНЯЗЬ СИЦКІЙ,
КНЯЗЬ РЕПНИНЪ и КНЯЗЬ ЧЕРКАССКІЙ за столомъ.

ѲЕД. НИКИТИЧЪ — наливая имъ вина.

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ —
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринъ,
Не разберешь. Разымчиво ужъ больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А коли такъ —

И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумѣетъ. Нуте-жь:
Во здравіе царя и государя
Всея Руси!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕПНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ нозѣ покорить!

СИЦКІЙ.

А ужъ не мало
Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты о татарахъ, что-ли?

РЕПНИНЪ.

Аль, можетъ, о татаринѣ?

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, этотъ

Еще крѣпѣкъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взять.

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Еще по чарочкѣ!

ВСѢ.

Про государя!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

Челомъ, бояре вамъ! Чью пьете чару?

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Царя и государя, князь Василій
Ивановичъ. На, выпей!

ШУЙСКІЙ.

Эхъ Феодоръ

Никитичъ, чай, указъ-то государевъ
Ты позабылъ? Не такъ, бояре, пьете:

Подымаетъ чару.

«Великому, избранному отъ Бога,
«Имъ чтимому и имъ превознесенну,
«И скифетры полночныя страны
«Самодержащему царю Борису,
«Съ царицею, съ царевичемъ его,
«И всѣми дома царскаго вѣтвями,
«Мы, сушіе въ палатѣ сей, воздвигли,
«Въ душевное спасеніе и во здравье
«Тѣлесное, сію съ молитвой чашу.
«Чтобъ славилось отъ моря и до моря,
«И до конецъ вселенныя, его
«Пресвѣтлое, царя Бориса, имя,

Царь Борисъ.

«На честь ему, а русскимъ славнымъ царствамъ
«На прибавленье; чтобы государи
«Послушливо ему служили всѣ,
«И всѣ-бы трепетали посѣченья
«Его меча; на насъ-же, на рабѣхъ
«Величества его, чтобъ безъ урыву
«Щедротъ лилися рѣки неоскудно
«Отъ милосердія его пучины
«И разума!» — Ухъ, утомился. Вотъ
Бояре, кагъ указано намъ пить.

Не пьеть, а ставить чару на столъ.

ОЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ужъ больно кудревато; не запомнишь.

ШУЙСКІЙ.

Я выдолбилъ.

РЕПНИНЪ.

Не всѣ его меча,

Кажись, трепещуть.

СИЦКІЙ.

Да и не на всѣхъ

Его щедроты лютяся.

ЧЕРКАССКІЙ.

Исчерпаль

Пучину милосердія.

ОЕДОРЪ НИКИТИЧЪ — къ Шуйскому.

Ты съ Вержу?

ШУЙСКІЙ.

Быль на Вержу.

ОЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, что-жь?

ШУЙСКІЙ.

Все славу Богу.

Рвать языки велѣль.

ЧЕРКАССКІЙ.

Что ты? Кому?

СИЦКІЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКІЙ.

Да всѣмъ, кто скажетъ,
Что Дмитрія извелъ онъ, аль что Дмитрій
Не изведенъ, а живъ.

РЕПНИНЪ.

Такъ какъ-же быть?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что-жъ надо говорить?

ШУЙСКІЙ.

А то, что было
При Федорѣ приказано: что Дмитрій
Въ недугѣ закололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно,
Ужъ онъ чиниться пересталъ. Да развѣ
Онъ казнями кого переувѣритъ?

ШУЙСКІЙ.

Пускай казнить; мѣшать ему не надо.

СИЦКІЙ.

Какъ не смекнетъ онъ, что когда въ Москвѣ
Подступитъ *тотъ*, ему не сдобровать?

ШУЙСКІЙ.

На каждаго на мудреца довольно
Есть простоты. Когда-жъ мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видитъ, что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты, князь Василій
Ивановичъ, ты въ Угличѣ былъ посланъ
На розыскъ тотъ. Скажи, хоть разъ, по правдѣ,
По совѣсти: убить, аль нѣтъ царевичъ?

ШУЙСКИЙ.

Убитаго ребенка видѣлъ я.

ЧЕРКАССКИЙ.

Да Дмитрія-ль?

ШУЙСКИЙ.

Сказали мнѣ, что Дмитрій.

ЧЕРКАССКИЙ.

Да самъ-то ты?

ШУЙСКИЙ.

А гдѣ-жъ его мнѣ знать?

ЧЕРКАССКИЙ.

Что-жъ мыслишь ты о томъ, который нынѣ
На насъ идетъ?

ШУЙСКИЙ.

А то-же, что и вы.

Языкъ намъ врагъ. И батюшка Борисъ
Феодорычъ, должно быть, это знаетъ;
Насъ отъ врага онъ избавлять велитъ.

РЕПНИНЪ — къ Феодору Никитичу.

Хозяинъ ласковый, да такъ, пожалуй,
И до тебя онъ доберется?

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Трудно.

Что скажетъ онъ? Романовы признали
Димитрія царемъ? Да вся Москва
Того лишь ждетъ, чтобъ мы его признали.
Аль что его убійцей мы зовемъ?
Да пусть о томъ лишь слухъ пройдетъ въ народъ—
Его каменьями побьютъ!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мы

Пока молчимъ. Народъ-же говоритъ:
Романовы поближе Годунова
Къ Феодору царю стояли. Еслибъ

Романовъ сѣлъ на царство — Юрьевъ день
Намъ отдалъ-бы!

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Романовымъ не нужно-бъ
Заискивать у меньшихъ у дворянъ;
Народъ боярство любитъ родовое
За то, что выгоды у нихъ однѣ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мелкихъ онъ не терпитъ. Нѣтъ, до насъ
Добраться трудно.

Входитъ Семень Годуновъ со стрѣльцами.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Бьемъ челомъ, бояре!
Вы, государи, Өедоръ съ Александромъ
Никитичи, по царскому указу
Подъ стражу взяты!

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Мы? Подъ стражу взяты?
За что?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

За то, что извести хотѣли
Царя и государя колдовствомъ.
Довелъ на васъ вашъ казначей Бортенева.
Кореня тѣ, что вы ужъ припасли,
Онъ предъявилъ. У патриарха вамъ
Допросъ, немедля, учинять. Вы также,
Князя Черкасскій, Сицкій и Репнинъ,
Обвинены.

СИЦКІЙ.

Мы въ чемъ-же?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

За одно
Съ Романовыми были. Васъ подъ стражу
Беру я съ ними.

Къ Шуйскому.

Князь Василь Ивановичъ!
Тебѣ велитъ великій государь
Вести допросъ надъ ними.

ЕЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Видить Богъ,
Насиліе и клевета!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Возможно-ль?
По одному извѣту казначея,
Котораго за кражу я прогналъ
Тому три дня?

ЧЕРКАССКІЙ.

Вотъ онъ тебѣ и платитъ!

СИЦКІЙ.

А царь ему, должно быть? Боже правый!
Да это вточь какъ при царѣ Иванѣ!

ШУЙСКІЙ.

Не гоже такъ, бояре, говорить!
Царь милостивъ. А мнѣ Господь свидѣтель,
Я вашего не вѣдалъ воровства!
Помыслить смѣть на батюшку царя!
Ахъ грѣхъ какой! Пойдемъ, Семень Никитичъ,
Пойдемъ къ владыкѣ, начинать допросъ.
Помилуй Богъ царя и государя!

Уводятъ бояръ, окруженныхъ стрѣльцами.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ — одинъ.

«Убить, но живъ!» Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой врагъ
Всталъ на меня изъ гроба грозной тѣнью!
Я ждалъ невзгодъ; возможныя всѣ бѣды
Предусмотрѣлъ: войну, и моръ, и голодъ,
И мятежи — и всѣмъ имъ дать отпоръ
Я былъ готовъ. Но чтобъ воскресъ убитый —
Я ждать не могъ! Меня безъ обороны
Засталъ ударъ. Державнымъ кораблемъ
Въ моей спокойной управляя силѣ,
Я въ ясный день на бѣгъ его глядѣлъ.

Вдругъ грянулъ громъ. Съ налету взрыла буря
Морскую гладь—крутитъ и ломитъ древо,
И парусъ рветъ.... Не время разбирать,
Чей небо грѣхъ крушеніемъ караетъ—
Долгъ кормчаго скорѣй спасти корабль!
Бѣда грозитъ—рубить я долженъ снасти!
Нѣтъ выбора—прошла пора медленій
И кротости! Кто врагъ царю Борису—
Тотъ царству врагъ! Пощады никому!
Казнь кличетъ казнь—власть требовала жертвъ—
И первыхъ кровь чтобъ не лилася даромъ,
Топоръ все вновь подьѣмлетъ къ ударамъ!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

По твоему, великій государь,
Являюся указу.

БОРИСЪ.

Князь Василій!

Ты избранъ мной быть старшимъ у допроса
Романовыхъ. Мнѣ вѣрность показать
Даю тебѣ я случай.

ШУЙСКІЙ.

Заслужу,

Царь-государь, великое твое
Довѣріе!

БОРИСЪ.

Издавна злоба ихъ
Мнѣ вѣдома. Но за мое терпѣнье
Я ожидалъ раскаянья отъ нихъ;
Они-жъ бояръ съ собою на меня
Замыслили поднять, а мнѣ погибель
Готовили.

ШУЙСКІЙ.

Не даромъ отъ меня
Таилися они!

БОРИСЪ.

Твой розыскъ нынѣ
Явить: какъ мыслишь ты ко мнѣ.

ШУЙСКІЙ.

Помилуй,

Царь-государь! Ужь на мое радѣнье,
Кажись, ты можешь положиться....

БОРИСЪ.

Прежде-жь,
Чѣмъ Дмитріева мать, царица Марѳа,
Свидѣтельствовать будетъ на Москвѣ,
Что сынъ ея до смерти закололся
И погребенъ, ты выйдешь на площадь
И съ лобнаго объявишь мѣста: самъ-де,
Своими-де очами видѣлъ ты
Трупъ Дмитрія — и крестнымъ цѣлованьемъ
То утвердишь. Межь тѣмъ, я со владыкой
Велѣлъ вездѣ Отрепьеву гласить
Анаѳему; въ церквахъ, въ монастыряхъ,
На перекресткахъ всѣхъ, его съ анвоновъ
Велѣлъ клясти! Быть можетъ, вразумится
Черезъ то народъ.

ШУЙСКІЙ.

Наврядъ-ли, государь.
Не въ гнѣвъ тебѣ, а диву я даюся,
Какъ мало страху на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Досель?

ШУЙСКІЙ.

Ты кой-кого и пристрастилъ, пожалуй,
А все-же —

БОРИСЪ.

Ну?

ШУЙСКІЙ.

Да чтò, царь-государь!
Хоть-бы теперь: Романовыхъ подъ стражу
Ты взять велѣлъ. И по дѣломъ. Да развѣ
Они одни?

БОРИСЪ.

Другіе также взяты.

ШУЙСКІЙ.

Кто, государь? Черкасскій съ Репнинымъ?

Да Сицкій князь? Всего три человѣка!
А мало-ль ихъ? И думаютъ они:
Всѣхъ не забрать!

БОРИСЪ.

Такъ думаютъ у васъ?
Такъ вѣдайте-жь: что сдѣлано досель —
Одно лишь вамъ остереженъе было,
Острастка то лишь малая была —
Гнѣвъ впереди!

Уходить.

ШУЙСКІЙ — одинъ.

Святая простота!

Даетъ понять: «тебя насквозь я вижу,
Ты за одно съ другими!» А, межъ тѣмъ,
Что ни скажу, за правду все примаеть.
Боятся насъ, а намъ грозить. Борисъ
Феодорычъ, ты-ль это? Я тебя
Не узнаю. Куда дѣвалась ловкость
Твоя, отецъ? И правомъ сталь не тотъ,
Ей Богу! То ужъ черезъ чуръ опасливъ,
То вдругъ вспылишь и лочишь напрямикъ,
Ни дать, ни взять, какъ мой покойный дядя,
Котораго въ тюрьмѣ ты удавилъ.
Когда кто такъ становится неровень,
То знакъ плохой!

Уходить. Входить ХРИСТІАНЪ; за нимъ ГОЛЬБЪ и БРАГЕ.

ГОЛЬБЪ.

Высочество! Подумай:

Сомнѣній нѣтъ, исходъ въ семь дѣлъ ясенъ:
Царемъ Димитрій будетъ, а Борису
Погибели не миновать. Что нужды,
Что ложный то Димитрій? Онъ побѣдно
Идетъ къ Москвѣ — и Русь его встрѣчаетъ!

БРАГЕ.

А въ преступленіи Бориса, принцъ,
Достаточно теперь ты убѣжденъ:
Намъ присланныя тайно показанья
Тѣхъ въ Данію бѣжавшихъ угличанъ,
Все, что мы здѣсь узнали стороною,
Чего не могъ ты не замѣтить самъ —

А сверхъ всего, народный громкій голосъ
И казни тѣ жестокия — все, все,
Его винить, ему уликой служить!

ГОЛЬБЪ.

До короля-жъ дошла молва, что царь
Эстонию, короны датской лену,
Не Даніи намѣрень возвратить,
Но дать тебѣ. Король за это гнѣвень.
Спѣши его умилостивить, принцъ!
Ждать отъ Бориса нечего намъ болѣ —
Его звѣзда зашла!

БРАГЕ.

Земли русійской
Царевну ты, высочество, посваталъ,
Не дочь слуги, злодѣйствомъ на престолъ
Взошедшаго. Когда законный царь,
Иль тотъ, кого земля такимъ признала,
Съ него вѣнецъ срываетъ — обѣщаньемъ
Не связанъ ты. Отъ брака отказаться
Ты долженъ, принцъ!

ХРИСТИАНЪ.

Довольно! Все, что вы
О немъ сказали, самъ себѣ сказалъ я —
Но я не въ силахъ слушать васъ.... моя.
Кружѣтся голова....

ГОЛЬБЪ.

Ты блѣдень, принцъ —
Ты нездоровъ —

ХРИСТИАНЪ.

Да, да, я нездоровъ....
Вы совершенно правы — точно такъ —
Убійца онъ.... мнѣ холодно сегодня....
Она не знаетъ ни о чемъ.

БРАГЕ.

Дозволь,
Позвать врача, высочество!

ХРИСТИАНЪ.

Не надо.

Оно пройдетъ. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

ГОЛЬКЪ.

Принцъ,

Ты вправду боленъ...

ХРИСТИАНЪ.

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нѣтъ, я здоровъ. Оставьте
Меня теперь — я дамъ отвѣтъ вамъ скоро.

Голькъ и Браге уходятъ.

ХРИСТИАНЪ — одинъ.

Подъ этимъ кровомъ долѣ оставаться
Не долженъ я. Мнѣ дѣтскій крикъ предсмертный
Здѣсь слышится — я вижу пятна крови
На этихъ тканяхъ... я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь межъ нами
Все кончено.

Входитъ КСЕНІЯ и останавливается въ дверяхъ.

КСЕНІЯ.

Одинъ ты, Христіанъ?

Съ кѣмъ говорилъ ты?

ХРИСТИАНЪ.

Ксенія, постой —

Не уходи — тебѣ сказать мнѣ надо —
Вѣдь ты еще не знаешь? Мы должны
Разстаться, Ксеня!

КСЕНІЯ.

Что съ тобой? Зачѣмъ

Разстаться намъ?

ХРИСТИАНЪ.

Да, да, зачѣмъ разстаться?

Кто хочетъ насъ съ тобою разлучить?
Ты не моя - ль? Кто говоритъ, чтобъ душу
Я разорвалъ? Нѣтъ, требовать того
Не можетъ честь!

КСЕНІЯ.

Опомнись, Христіанъ;
Твои слова безъ смысла. Чтѣ случилось?

ХРИСТІАНЪ.

Бѣги со мной!

КСЕНІЯ.

Святая Матерь Божія!
Ужель я отгадала? Христіанъ —
Кто видѣлся съ тобой? Чьей клеветѣ
Ты на отца повѣрилъ?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенья, Ксенья!
И жизнь, и душу я-бъ хотѣлъ отдать,
Чтобъ эту скорбь, чтобъ эту злую боль
Взять отъ тебя!

КСЕНІЯ.

И ты повѣрилъ? Ты?
Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

Нельзя остаться мнѣ —
Нельзя — ты видишь!

КСЕНІЯ.

Выброси скорбь
Изъ сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернитъ, а не отца! Какъ могъ ты
Повѣрить ей!

ХРИСТІАНЪ.

Не правда-ль? Ей повѣрить
Я самъ не могъ? Она вошла насильно!
Отъ лобныхъ мѣстъ кровавыми ручьями
Въ меня влилась!

КСЕНІЯ.

Да, онъ жестокъ во гнѣвѣ!
Я не хочу — я не могу его
Оправдывать! Но развѣ ты не видишь?
Негодваньемъ гнѣвъ его рожденъ
На клевету! Такимъ онъ нѣ былъ прежде!

Ты зналъ его! Ужели ты забылъ
Какъ былъ высокъ, какъ милостивъ душою
Онъ былъ всегда! Какъ могъ — какъ могъ — какъ могъ
Повѣрить ты! О Христіанъ, какую
Ты пропасть вырылъ между нами!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ!

Разъединить чужое преступленье
Насъ не должно! Душа моя съ твоєю
Въ одно слилась! Когда-бъ земля подъ нами
Разсѣлася — когда-бы это небо
Обрушилось на насъ — не врозь, а вмѣстѣ
Погибли-бъ мы!

КСЕНІЯ.

Ужъ мы разлучены!

Да, Христіанъ! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь изъ сердца вырвать вонъ?
Когда отца кругомъ тѣснятъ враги,
Друзья-жъ бѣгутъ — ты также переходишь
Къ его врагамъ!

Входитъ царевичъ ѲЕДОРЪ, ими не замѣчаемый.

Но еслибъ отъ него

И всѣ ушли — и еслибъ цѣлый міръ
Его винилъ — одна-бы я сказала:
Неправда то! Одна-бы я осталась
Съ моимъ отцомъ!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ у тебя отца!

Твоимъ отцомъ убійца быть не можетъ!
Ты сирота! Какъ я, ты сирота!
Бѣги со мной! Я не на счастье, Ксения,
Тебя зову, не на престоль! Быть можетъ,
Я осужденъ къ лишеньямъ и къ нуждѣ —
Быть можетъ, я скитаться буду — но
Гдѣ-бъ я ни сталъ, то мѣсто, гдѣ я стану,
Оно всегда достойно будетъ насъ!
А этотъ теремъ, Ксения....

ѲЕДОРЪ — выступаетъ впередъ.

Королевичъ!

ХРИСТИАНЪ.

А, ты былъ здѣсь? Ты слышалъ все? Тѣмъ лучше!
Я не скрываюсь отъ тебя — ты долженъ
Меня понять!

ӨЕДОРЪ.

Тебя я понялъ. Ты
Царя Бориса оскорбилъ смертельно —
Ты наглый лжець!

ХРИСТИАНЪ.

Братъ өедоръ —

ӨЕДОРЪ.

Гнусный ты
Безстыдный лжець и клеветникъ!

ХРИСТИАНЪ.

Царевичъ!

Войди въ себя!

ӨЕДОРЪ.

Предатель! Переметчикъ!

Иуда ты!

ХРИСТИАНЪ.

Войди въ себя, царевичъ!
Опомнися! Когда ты оскорбленъ —
Не бранью мстить ты долженъ! На Руси
Такъ встарину не дѣлали!

ӨЕДОРЪ.

Ты правъ —

Спасибо, что напомнилъ —

Срываетъ со стѣны двѣ сабли и подаетъ одну Христиану.

Бейся на-смерть!

КСЕНІЯ.

Побойтесь Бога! Чтò вы, чтò вы? Стойте!
Какъ? Братъ на брата!

ХРИСТИАНЪ — бросая саблю.

Нѣтъ, не стану биться!

Ты братъ ея!

КСЕНИЯ.

О, до чего дошли мы!
Давно-ли мы втроемъ, въ покоѣ этомъ,
Такъ мирно говорили, такъ хотѣли
Служить Руси — а нынѣ!

ХРИСТИАНЪ.

Что со мной?
Кругомъ меня все потемнѣло вдругъ —
Меня не держать ноги —

Садится.

ЕДОРЪ — бросая саблю.

Христианъ,

Ты нездоровъ?

ХРИСТИАНЪ — озираясь.

Вы оба здѣсь? Со мною?
Какъ счастливъ я! Друзья, скажите, что
Случилось?

КСЕНИЯ.

Онъ боленъ!

ЕДОРЪ.

Слава Богу,
То былъ лишь бредъ? Сестра, останься съ нимъ,
Я за врачомъ пойду!

ХРИСТИАНЪ.

Не уходи —
Мнѣ хорошо. Но что-то надо мною
Какъ облако внезапно пронеслось —
Былъ шумъ въ ухахъ — такъ, говорятъ, бываетъ
Когда дурману выпьешь... я припомнить
Стараюсь что-то... самъ не знаю что...
Ловлю, ловлю... и все теряю...

Вскакивая.

Вспомнилъ!

Бѣжимъ отсель!

Падаетъ въ кресла.

У пристани корабль
Норвежскій ждетъ — ужъ якорь поднимаютъ —
Скорѣй на палубу, скорѣй!

КСЕНІЯ.

Онъ бредить!

ХРИСТІАНЪ.

Я говорю вамъ всѣмъ: неправда то!
Всѣхъ, кто дерзнетъ подумать, что царевна
Убійцы дочь, на бой я вызываю!
Прижмись ко мнѣ — не бойся, Ксенья, этихъ
Зеленыхъ волнъ! — Я слушать васъ усталъ —
Я знаю самъ — прибавьте парусовъ!
Какое дѣло намъ, что на Руси
Убійца царь! Вотъ берегъ, берегъ! Ксенья —
Мы спасены!

КСЕНІЯ.

Братъ, братъ, чтó сталося съ нимъ?

ХРИСТІАНЪ.

Друзья мои, мнѣ кажется, я бредиль?
Мнѣ очень дурно. Голова моя
Такъ кружится, а сердце то забьется,
То вдругъ замретъ...

КСЕНІЯ.

Ты боленъ, Христіанъ!
Встань, обоприся на-руку мою —

ФЕДОРЪ.

Я поведу его!

ХРИСТІАНЪ.

Спасибо, братъ —
Спасибо, Ксенья—это все пройдетъ —
Какъ хорошо мнѣ между васъ обоихъ!

Уходитъ поддерживаемый Федоромъ и Ксеніей.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Красная площадь съ Лобнымъ мѣстомъ.

Нѣсколько переодѣтыхъ сыщиковъ.

ГЛАВНЫЙ СЫЩИКЪ, — наряженный дячкомъ.

Сейчасъ народъ повалить изъ церквей!
Вмѣшайтесь въ толпу; глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Дмитрію идетъ,
Отрепьева-жъ клянуть; такъ будутъ толки!

ВТОРОЙ СЫЩИКЪ — въ одеждѣ кушца.

Какіе толки! Всякъ теперь боится
Промолвиться.

ПЕРВЫЙ.

А мы на что? Зачѣмъ
Двойную намъ награду обѣщаль
Семень Никитичъ? Зачинайте смѣло,
Тотъ съ тѣмъ, тотъ съ этимъ разговоръ, прикиньтесь,
Что вы къ Москвѣ Отрепьевымъ тѣмъ тайно
Подсланы; когда-жъ кто проболтается —
Хвать за-воротъ его! А если будетъ
Кому изъ васъ нужна подмога — свистомъ
Подать маякъ! Ну, живо, разсыпайтесь!
Идетъ народъ!

Толпа выходитъ изъ церкви.

ОДИНЪ ПОСАДСКІЙ.

Велкій грѣхъ служить
Живому человѣку панихиду!

ДРУГОЙ.

Тяжелый грѣхъ!

ТРЕТІЙ.

А кто же тотъ Отрепьевъ,
Кому они анаѣму гласили?

ЦАРЬ БОРИСЪ.

ПЕРВЫЙ.

Монахъ какой-то подвернулся.

ВТОРОЙ.

Что-жь,

Какое дѣло до того монаха
Царевичу Димитрію?

ПЕРВЫЙ.

Молчи!

Насъ слушаютъ.

СЫЩИКЪ.

О чемъ вы, государи,
Ведете рѣчь?

ПЕРВЫЙ.

Да говоримъ: дай Богъ
Измѣнщика, Отрепьева того,
Что Димитріемъ осмѣлился назваться,
Поймать скорѣй!

СЫЩИКЪ — про себя.

Гмъ! Эти-то съ чутьемъ!

Подходятъ нѣсколько другихъ.

ОДИНЪ.

Вишь, изворотъ затѣяли какой!
Безбожники!

ДРУГОЙ.

Знать, плохо имъ пришлось,
Губителямъ!

ТРЕТИЙ.

Романовы въ тюрьму
Посажены.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Помилуй Богъ, за что?

ПЯТЫЙ.

Боятся ихъ за то, что много знаютъ!

Проходятъ.

ОДНА БАВА — догоняетъ другую.

Да постой, голубушка, куда-жь ты спѣшишь?

ВТОРАЯ.

Въ соборъ, въ соборъ, матушка! Панафиду, вишь, служатъ и большую анаѣму поютъ!

ПЕРВАЯ.

Да кто-жь это скончался?

ВТОРАЯ.

Никакъ Гришка Отрепьевъ какой-то! Охъ, боюсь опоздать

ТРЕТЬЯ БАБА — пристаѣтъ къ нимъ.

Не Гришка, не Гришка, матушка! царевича Дмитріемъ зовутъ!

ПЕРВАЯ.

Такъ ему, стало, анаѣму служатъ? А панафида по комъ-же?

ВТОРАЯ.

По Гришкѣ, должно быть!

ЧЕТВЕРТАЯ БАБА — догоняетъ ихъ.

Постойте, кормилицы, и я съ вами! По какому Гришкѣ царевичъ панафиду служить?

ВСѢ ЧЕТВЕРЕ ВМѢСТѢ.

Да пойми ты, мать — я въ толкъ не возьму. — Ахти, опоздаемъ! — Да побойтесь Бога — кто-же скончался-то? — Пойдемъ, пойдемъ! Анаѣма скончался, Гришка — царевичъ служить панафиду!

Уходить.

СЫЩИКЪ — глядя имъ вслѣдъ.

Проваливай, бабѣ! отъ васъ ни шерсти,
Ни молока!

Подходить два мужика.

ПЕРВЫЙ — указывая на сыщика.

Өедюха! А Өедюха!

Смотри, у энтото какая сзади
Коса болтается! Чай изъ духовныхъ?

ВТОРОЙ.

Божественный, должно быть, человекъ.
Покажемъ листъ ему!

ПЕРВЫЙ.

Нешто, покажемъ!

Къ сыщикъ.

Отець родной, поволь тебя спросить:
Ты грамотный никакъ?

СЫЩИКЪ.

Господь сподобилъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ сдѣлай божескую милость: вотъ
Какой-то листъ нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

СЫЩИКЪ.

Предъяви!

Читаеть.

«Мы Божією милостію, Димитрій Ивановичъ,
«Царь и великій князь
«Всея Руси, ко всѣмъ русійскимъ людямъ:
«Господнимъ нѣкимъ превеликимъ чудомъ
«Сохранены и спасены...» Гмъ, гмъ!

Читаеть про себя, потомъ громко.

«И первыхъ тѣхъ, которые на встрѣчу
«Со хлѣбомъ-солью къ намъ придутъ, тѣхъ первыхъ
«Пожалуемъ». Эй, люди, говорите:
Кто далъ вамъ листъ!

ПЕРВЫЙ.

Нашли подъ воротами,

Ей-богу-ну!

ВТОРОЙ.

Подъ самой подворотней!

СЫЩИКЪ.

А кто подкинулъ?

ПЕРВЫЙ.

Видитъ Богъ, не знаемъ!

СЫЩИКЪ.

Не знаете?

Свистить. Нѣсколько сыщиковъ подбѣгаютъ.

Хватайте этихъ двухъ!
Въ застѣнокъ ихъ!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ родной, за что?

ВТОРОЙ.

За что, помилуй?

СЫЩИКЪ.

Вамъ въ застѣнкѣ скажутъ!

Мушкетеровъ уводятъ среди общаго ропота. Подходить купецъ въ разговорѣ со вторымъ сыщикомъ.

СЫЩИКЪ.

Да что, почтенный, что за торгъ у насъ?
Себѣ въ накладъ вѣдь продаемъ сегодня.
А съ нѣмцовъ пошлинь половину снялъ!
Какой тутъ торгъ!

КУПЕЦЪ.

Такъ, такъ, родимый; сами
Концовъ свести не можемъ. Разоренья
Пришло на насъ!

СЫЩИКЪ — таинственно.

Одна надежда нонѣ —
Царь Дмитрій Иоанновичъ. Не терпитъ
Ни нѣмцовъ онъ, ни англичанъ. Пусть только
Пожалуетъ!

КУПЕЦЪ.

А что?

СЫЩИКЪ.

Подметный листъ
Попался мнѣ: всѣхъ, говоритъ, купцовъ
Отъ пошлинь свободу!

КУПЕЦЪ.

Подай-то Богъ!

СЫЩИКЪ — хватаетъ его за-воротъ.

Такъ вотъ ты какъ! Такъ ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй!

Сыщики бросаются на купца.

ПОСАДСКІЕ И НАРОДЪ.

Да что вы! Бойтесь Бога!

За что его?

1-й сыщикъ.

А вы чего вступились?

Хватай ихъ всѣхъ!

НАРОДЪ.

Нѣтъ, всѣхъ-то не перехватаешь! Бей ихъ, ребята! Довольно намъ терпѣть отъ сыщиковъ!

Звонъ бубенъ. Пѣшіе бубенщики. Передъ ними приставъ.

ПРИСТАВЪ.

Раздайтесь! Мѣсто! Мѣсто!

Бояринъ князь Василь Ивановичъ Шуйскій!

ШУЙСКІЙ— въ сопровожденіи двухъ дьяковъ.

Съ чего, міряне, подняли вы шумъ!

Грѣхъ вамъ мутиться!

НАРОДЪ.

Батюшка, Василій Ивановичъ! Вступись, отецъ родной! Твой родъ вѣдь всегда за насъ стоялъ, а нонѣ намъ отъ сыщиковъ житья нѣтъ! Вступись, батюшка!

ШУЙСКІЙ.

Опомнитесь, міряне. Царь Борисъ
Феодорычъ такъ приказалъ. Онъ знаетъ
Кого хватать. А вы пройти мнѣ дайте
До Лобнаго до мѣста; по указу,
По царскому, я рѣчь скажу.

Идетъ къ Лобному мѣсту.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, этотъ

Не вступится!

ДРУГОЙ.

Да, не чега Иванъ

Петровичу!

ТРЕТІЙ.

Какую-жъ рѣчь онъ скажетъ?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ послушаемъ.

ШУЙСКІЙ—съ Лобнаго мѣста.

Народъ московскій!

Вамъ всѣмъ: гостямъ, и всѣмъ торговымъ людямъ,
Всѣмъ воинскимъ, посадскимъ, и слободскимъ,
Митрополичьимъ всѣмъ, и монастырскимъ,
И вольнымъ, и кабальнымъ всякимъ людямъ,
Я, князь Василь Ивановичъ Шуйскій, бью
Напредъ челомъ!

Кланяется на всѣ стороны.

Вамъ вѣдомо, что нѣкій

Еретикъ злой, разстрига, чернокнижникъ
И явный воръ, Отрепьевъ Гришка, Бога
Не убоясь, діаволу въ угоду,
Дерзнулъ себя царевичемъ покойнымъ,
Дмитріемъ Ивановичемъ назвать...

Ропотъ.

И, съ помощью литовской рати, нынѣ
Идетъ къ Москвѣ, а съ нимъ не мало нашихъ...
Изъ Сѣверской земли...

одинъ.

Слышь, съ нимъ и наши!

ШУЙСКІЙ.

Измѣнниковъ. И хотеть онъ, разстрига,
Великаго, почтеннаго отъ Бога
Царя Бориса Ѳеодорыча свергнуть,
И церковь православную попрасть,
И вовлести въ латинскую насъ ересь.
Что вѣдая, великій государь
Мнѣ повелѣлъ вамъ повѣстить сегодня
Все, что своимъ видѣлъ я очами,
Когда, при Ѳеодорѣ царѣ, посланъ
Я въ Угличъ былъ, чтобъ розыскъ учинить:
Какъ тамъ царевичъ Дмитрій Іоаннычъ
Упалъ на ножъ и завололся.

ДРУГОЙ.

Знаемъ!

ТРЕТІЙ.

Слышали то!

ШУЙСКІЙ.

И по пріѣздѣ, мы,
Съ Андреемъ со Петровичемъ, въ соборъ
Отправились, съ Лупъ-Клешинымъ, и тамъ
Увидѣли младенца бездыханна,
Предъ алтаремъ лежаща, и его
Пресѣчена была гортань.

ТРЕТІЙ—вполголоса.

Да кто-же

Младенецъ былъ?

ШУЙСКІЙ.

Что Гришка-же Отрепьевъ
Не Дмитрій есть, а нѣкій бѣглый воръ,
Отъ церкви отлученный и проклятый —
Въ томъ я клянусь, и крестъ на томъ цѣлую,
И не видать мнѣ царствія небесна,
И быть на страшномъ Божіемъ судѣ
Мнѣ прокляту, и въ огонь идти мнѣ вѣчный,
Когда солгалъ!

Цѣлуешь свой тѣльный крестъ.

ПЕРВЫЙ.

Да въ чемъ-же онъ клянется?

ВТОРОЙ.

Что Дмитрій не Отрепьевъ.

ТРЕТІЙ.

Безъ него

Мы знаемъ то!

ПЕРВЫЙ.

Постой, онъ говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И вѣдомый еретикъ тотъ и воръ
Великаго, почтеннаго отъ Бога,
И милосерднаго царя Бориса
Кусательно язвить, а отъ себя

Вамъ милостей не мало обѣщаетъ,
И Юрьевъ день обратно вамъ сулить.
И вамъ велить великій государь.
Тому разстригѣ вѣры не давать;
А кто повѣритъ, или кто посмѣетъ
Сказать, что онъ есть истинный Дмитрій —
Великій царь тому, немедля, вырвать
Велить языкъ. Я все сказалъ — простите!

Кланяется и сходить съ Лобнаго мѣста. Молчаніе въ народѣ.

Одинъ.

Вотъ-те и рѣчь!

Другой.

Къ чему онъ велъ ее?

Третій.

Знать, близко тотъ.

Первый.

И нашихъ съ нимъ довольно.

Четвертый.

И милости, слышь, обѣщаетъ намъ.

Второй.

Да, Юрьевъ день, слышь, отдастъ.

Пятый.

Такъ что-же?

Первый.

А то, что, слышь, языкъ свой береги.

Четвертый.

Побережемъ.

Пятый.

А не иди-ль туда?

Второй.

Куда туда?

Пятый.

На встрѣчу-то?

ТРЕТІЙ.

Ну, ну,

Чай, подождемъ.

ПЯТЫЙ.

Да долго-ль ждать?

ВТОРОЙ.

А здѣсь-то

Спужались, чай!

ТРЕТІЙ.

Да, есть съ чего спужаться;
Вѣдь тотъ-то прирѣжонный!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Подождемъ!

ВТОРОЙ.

Ну, подождемъ.

ПЕРВЫЙ.

И вправду подождемъ.

Народъ расходится, разговаривая вполголоса.

*Покой во дворцѣ съ низкимъ сводомъ и рѣшетчатымъ
окномъ.*

Вдова царица МАРІЯ НАГАЯ, во иночествѣ МАРѢА, одна.

МАРѢА.

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь трепещя!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою

Я предъ народомъ русскимъ утвердила —
Но кто-бъ ни-быль невѣдомый твой мститель,
Идущій на Бориса—да хранить
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Лгать буду я!
Моимъ его я сыномъ буду звать!
Кто-бъ ни былъ онъ — онъ врагъ тебѣ, убійца —
Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество
Небесныя ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви съ него украденный вѣнецъ!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтобъ онъ, какъ звѣрь во прахѣ издыхая,
Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги —
Идутъ! Меня забила дрожь — и холодъ
Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей — то онъ!
Убійца тутъ — онъ близко — Матерь Божья!
Дай мнѣ владѣть собою! Притворствомъ сердца
Исполни мнѣ — изгладь печаль съ лица —
Перероди меня — содѣлай схожей
Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
Изобразить съумѣла-бы я радость
О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

Входитъ Борисъ со свѣчей, которую ставить на столѣ.

БОРИСЪ — съ поклономъ.

Царица Марья Ѳедоровна, бю
Тебѣ челомъ!

МАРѢА.

Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня МарѢа.

БОРИСЪ.

Твой обѣтъ
Не умаляетъ званья твоего.
Я предъ тобой благоговѣю нынѣ
Какъ нѣкогда благоговѣлъ, когда!
Сидѣла ты съ царемъ Иваномъ рядомъ.

МАРӨА.

Благодарю.

БОРИСЪ.

Царица, до тебя
Ужъ вѣсть дошла —

МАРӨА.

Что сынъ мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословенъ Господь!
Когда его увижу я?

БОРИСЪ.

Царица
Въ умѣ-ли ты? Твой сынъ, сама ты знаешь,
Четырнадцать ужъ лѣтъ тому, въ недугѣ
Упалъ на ножъ —

МАРӨА.

Зарѣзанъ былъ. — Ты то-ли
Хотѣлъ сказать? Но я лишилась чувствъ
Когда та вѣсть достигла до меня —
Его я мертвымъ не видала!

БОРИСЪ.

Но
Онъ мертвъ, царица — онъ убится — въ томъ
Сомнѣннй нѣтъ —

МАРӨА.

Такъ мнила я сама...

БОРИСЪ.

Его весь Угличъ мертвымъ видѣлъ —

МАРӨА.

Я

Не видѣла его!

БОРИСЪ.

На панихидѣ
Ты у его молилась трупа —

МАРӨА.

Слезы

Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрій живъ! Примѣты мнѣ его
Всѣ сказаны — онъ живъ, онъ живъ мой Дмитрій!
Онъ живъ, мой сынъ!

БОРИСЪ.

Возможно-ль? Радость блещетъ
Въ твоихъ очахъ? Ужель ты вправду вѣришь,
Что живъ твой сынъ? Ужель мнѣ сомнѣваться?
Ужели былъ и Клепнинимъ и Шуйскимъ
Обмануть я?

Входитъ царица МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА.

ЦАРИЦА.

Не прогнѣвись Борисъ
Феодорычъ. Твой разговоръ съ царицей
Я слышала за дверью. Не втерпѣжь,
Свѣтъ-государь, мнѣ стало: поклониться
Царицѣ Марѣѣ захотѣлось.

Кланяется.

Земно

Тебѣ я, матушка царица Марѣа
Феодоровна, кланяюсь. Слышу:
Царевича ты мертвымъ не считаешь?
Такъ, стало, тотъ, кто въ Угличѣ убится,
Тебѣ не сынъ?

МАРѢА:

Не знаю, кто убится —
Димитрій живъ? Отъ вашихъ рукъ онъ Божиимъ
Невѣдомо былъ промысломъ спасенъ!
Хвала Творцу и Матери пречистой,
Мой сынъ спасенъ!

БОРИСЪ.

Царица — если вѣришь
Ты истинно тому, что говоришь —
Повѣдай мнѣ: кто подмѣнилъ его?
Кѣмъ онъ и какъ изъ Углича похищенъ?
Гдѣ онъ досель скрывался? Чтобы вѣру
Тебѣ я далъ, я долженъ вѣдать все!

МАРѢА.

Какое дѣло мнѣ, ты вѣришь, нѣтъ-ли?

Вѣрь, или нѣтъ — довольно: живъ мой сынъ —
Не удалось твое злодѣйство!

БОРИСЪ.

Нѣтъ!

Не можетъ быть! Неправда! Быть не можетъ!
Какъ спастся онъ?

МАРѢА.

Дрожишь ты наконецъ!

БОРИСЪ.

Какъ спастся онъ? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мнѣ!

ЦАРИЦА.

Свѣтъ-государь Борисъ
Теодорычъ, быть можетъ, обойдемся
Безъ пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитымъ не видала?

МАРѢА.

Нѣтъ!

ЦАРИЦА.

А полно такъ-ли, матушка? Подумай.

МАРѢА.

Могла-ль его убитымъ видѣть я,
Когда убитъ онъ не-былъ?

ЦАРИЦА.

А посмотримъ.

Отворяя дверь.

Войди, голубка!

Входитъ ВОЛОХОВА.

ЦАРИЦА — къ Марѣѣ.

Знаешь ты ее?

МАРѢА.

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

ЦАРИЦА.

Что, матушка, съ тобой?
Что взволновалася ты такъ? Зачѣмъ
Тебя приводитъ въ ужасъ Василиса?

МАРѢА.

Прочь! Прочь ее! Кровь на ея рукахъ!
Кровь Дмитрія! Будь проклята во-вѣки!
Будь проклята!

ЦАРИЦА — къ Волоховой.

Довольно, Василиса,
Стунай себѣ.

Волохова уходитъ.

Ну, батюшка Борисъ
Феодорычъ? Увѣрился теперь,
Что нѣтъ въ живыхъ ея царѣнка? То-то!
Ужъ ты за пытку-было! Ты уменъ,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть инныя
Чувствительнѣй и дыба и когтей.
Чего-жъ ты, свѣтъ, задумался? Забыль-ли
Зачѣмъ пришелъ?

Дергаетъ Марѣу за-руки.

Опомнися, царица!
Оправься, мать. Ну, государь?

БОРИСЪ.

Царица,
Ты выдала себя. Теперь мы знаемъ,
Не можешь ты за сына почитать
Обманщика, дерзнувшаго назваться
Димитріемъ. Какъ ни погибъ царевичъ —
Хотя-бъ о томъ мнѣ ложно донесли —
Но онъ погибъ. Твоя печаль, повѣрь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мнѣ на-душу твое ложится горе.
Я-бъ много далъ, чтобъ прошлое вернуть —
Но прошлое не въ нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящемъ думать.
Великую, царица, можешь ты
Бѣду отъ царства отвратить: лишь стѣбитъ
Передъ народомъ клятву дать тебѣ,
Что Дмитрій мертвъ и погребенъ. Согласна-ль
На это ты?

МАРӨА.

Я выдала себя —

Мой сынъ убить. Но какъ о томъ народу
Я повѣщу? Ты въ томъ-ли мнѣ велишь
Крестъ цѣловать, что на моихъ глазахъ
Тобою купленная мамка сына
Убийцамъ въ руки предала?

БОРИСЪ.

Кланусь,

Я не приказывалъ того!

МАРӨА.

Мой сынъ

Тобой убить. Судьба другого сына
Послала мнѣ — его я принимаю!
Димитріемъ его зову! Приди,
Приди ко мнѣ, воскресій мой Димитрій!
Приди убійцу свергнуть твоего!
Да, онъ придетъ! Онъ близко, близко — вижу
Побѣдные его ужъ блещутъ стяги —
Онъ подъ Москвой — предъ именемъ его
Отверзлись кремлевскія ворота —
Безъ бою онъ вступаетъ въ городъ свой —
Народный плескъ я слышу — льются слезы —
Димитрій царь! И къ конскому хвосту
Примкнутаго тебя, его убійцу,
Влекутъ на казнь!

ЦАРИЦА.

Пророчить гибель намъ

Твоя гортань?

Схватываетъ зажженную свѣчу и бросается съ нею на Марөу.

Такъ подавись-же, сука!

БОРИСЪ — удерживая ее, къ Марөѣ.

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не можетъ
Царевича вернуть, но что въ твоей,
Царица, власти помѣшать потокамъ
Кровавымъ течь, и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы безъ боя
Дойдетъ тотъ воръ! Нѣтъ, онъ лишь чужеземцевъ

Къ намъ приведетъ! Раздоръ лишь воспалитъ онъ!
Утраченный тебѣ твой дорогъ сынъ;
Но менѣ-ль тебѣ, царица, дорогъ
Покой земли? Молчаніемъ своимъ
Усобицѣ откроешь ты затворы,
Тьма бѣдъ, царица, по твоей винѣ,
Падетъ на Русь! За нихъ предъ Богомъ будешь
Ты отвѣчать. О томъ раздумать время
Даю тебѣ—прости! Свѣти мнѣ, Марья!

Уходитъ съ царицей.

МАРѢА — одна.

Ушли—и жало жгучее уносятъ
Въ своихъ сердцахъ! Я ранила ихъ на-смерть,
Я, Дмитріева мать! Теперь ихъ дни
Отравлены! Безъ сна ихъ будутъ ночи!
Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ—
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топоръ падетъ на голову ему!
Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
Я буду звать безвѣстнаго бродягу!
Чтобъ отомстить злодѣю твоему,
На твой престолъ онъ доженъ сѣсть; вѣнецъ твой
Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
Нарядится онъ въ золото и въ жемчугъ —
А ты, мой сынъ, мое дитя, межъ тѣмъ,
Въ сырой землѣ ждаты будешь воскресеня,
Во гробкѣ! О, Господи! Послѣдній
Ребенокъ нищаго на божьемъ солнцѣ
Волѣнъ играть—ты-жъ, для вѣнца рожденный,
Лежишь во тьмѣ и въ холодѣ! Не время
Твои пресѣкло дни! Ты могъ-бы жить!
Ты выросъ-бы! На славу всей землѣ
Ты-бъ царствовалъ теперь! Но ты убить!
Убить мой сынъ! Убить, убить, мой Дмитрій!

Падаетъ на-земь и рыдаетъ.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ врачъ.

БОРИСЪ.

Не легче королевичу?

ВРАЧЪ.

Увы,

Великій царь, припадки стали чаще!

БОРИСЪ.

Надежда есть?

ВРАЧЪ.

Не много, государь.

БОРИСЪ.

Но чѣмъ онъ такъ внезапно заболѣлъ?

ВРАЧЪ.

Невѣдомые признаки сбиваютъ

Насъ съ толку, царь.

БОРИСЪ.

Послушай! Жизнь его

Мнѣ собственной моею дороже жизни!

Сокровища не знаю я такого,

Котораго-бъ не отдалъ за него!

Скажи своимъ товарищамъ, скажи имъ—

И помни самъ—нѣтъ почестей такихъ,

Какими-бы я щедро не осыпалъ

Спасителя его!

ВРАЧЪ.

Великій царь,

Не почести намъ знанья придадутъ.

По долгу мы служить тебѣ готовы;

Награда намъ не деньги, а успѣхъ.

Но случая подобнаго ни разу

Никто изъ насъ не встрѣтилъ.

БОРИСЪ.

Воротись

Къ нему скорѣй. Блюди его; науку
Всю истощи свою! Во чтò-бъ ни стало,
Спаси его! Скажи другимъ: предѣловъ
Не будетъ благодарности моей!
Ступай, ступай!

Врачъ уходитъ.

БОРИСЪ — одинъ.

Ужели насъ Господь

Еще накажетъ эту потерей!
Онъ то звено, которымъ вновь связалъ-бы
Я древнюю, расторгнутую цѣпь
Межъ Западомъ и русскою державой!
Черезъ него ей возвратилъ-бы море
Варяжское! Чтò Ярославъ стяжалъ,
Чтò подъ чужимъ мы игомъ потеряли —
Безъ боя то, безъ спора возвратилъ-бы
Я вновь Руси! Со смертію его
Все рушится. А Ксенія моя!
Чѣмъ чистая душа ея виновна,
Что преступленье нѣкогда свершилъ
Ея отецъ? Ты, бѣдная! Легко
Жилось тебѣ, и по наслышкѣ только
Ты вѣдала о горестяхъ людскихъ.
Ужели ихъ на дѣлѣ испытать
Такъ рано ты осуждена? Ужели
Всѣ бѣды соединятся, чтобы разомъ
На насъ упасть? Здѣсь умираетъ зять,
А тамъ растетъ тотъ врагъ непостижимый —
Моя вина, которой утвердить
На вѣки я хотѣлъ работу жизни,
Она-жъ тяжелой рушится скалой
На зданіе мое!

Входитъ Семень Годуновъ со свергномъ въ ругахъ

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Великій царь —

БОРИСЪ.

Какую новую бѣду еще
Ты мнѣ принесъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

То не бѣда, а дерзость,

Великій государь; къ тебѣ писать
Осмѣлился тотъ воръ.....

БОРИСЪ.

Подай сюда,
Видь царской грамоты имѣть свертокъ,
И царская привѣшена печать....
Искусно все поддѣлано, Прочти!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ — читаетъ.

«Великій князь и царь всея Русіи
«Димитрій Іоанновичъ, тебѣ,
«Борису Годунову! Отъ ножа
«Бывъ твоего избавлены чудесно,
«Идемъ возсѣсть на царскій нашъ престоль
«И судъ держать великій надъ тобою.
«И казни злой тебѣ не миновать —
«Когда приимемъ наши государства.
«Но если ты, свою познавши мерзость,
«До нашего прихода съ головы,
«Со скверныя со своея, самъ сложишь
«Нашъ воровски похищенный вѣнецъ,
«И въ схиму облечешься, и смиренно
«Въ монастырь оплакивать свой грѣхъ
«Затворишься — мы, въ жалости души,
«Тебя на казнь не обречемъ, но милость
«Тебѣ, Борису, царскую мы нашу
«Тогда явимъ. Путивль, осьмого марта».

Борисъ закрываетъ лицо руками.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Тебя кручинить этотъ дерзкій листъ?

БОРИСЪ.

Не оттого, что послѣ всѣхъ трудовъ
И напряженья цѣлой жизни, тяжко
Лишиться было-бъ мнѣ вѣнца! Всегда
Я былъ готовъ судьбы удары встрѣтить.
Но если онъ мнѣ *милость* предлагаетъ,
Разсчитывать онъ долженъ, что вся Русь
Отпасть готова отъ меня! И онъ,
Быть можетъ, правъ. Тѣ самые, кто слезно

Меня взойти молили на престоль,
Они-жь теперь, безъ нуды и безъ боя,
Ему предать меня спѣшатъ! И здѣсь,
Здѣсь, на Москвѣ, покорные наружно,
Въ душѣ врагу усердствуютъ они!
А что я сдѣлалъ для земли, что я
Для государства сдѣлалъ—то забыто!
Мнѣ это горько.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Государь, что можетъ
Тотъ наглый воръ? —

БОРИСЪ.

Такимъ его считалъ я,
Такимъ считать велить его разсудокъ —
Но послѣ всѣхъ невзгодъ моихъ, невольно
Сомнѣнія рождаются во мнѣ.
Свидѣтеля мнѣ надо, кто бы видѣлъ
Димитрія умершимъ!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Но царица

Созналася....

БОРИСЪ.

Сознаніе ея

Могло испугомъ вынужденно быть.
Я вѣдаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Его

Василій Шуйскій мертвымъ видѣлъ....

БОРИСЪ.

Шуйскій!

Могу ли вѣрить я ему?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Тогда

Вели призвать Андрея Клепнина.
Онъ схиму принялъ, Богу отдался,
Онъ не солжетъ.

БОРИСЪ.

Послать за нимъ! Но тайно
Пусть онъ придетъ. И говорить ни съ кѣмъ
Чтобы не смѣлъ!

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Великій государь,
Врачи тебѣ прислали повѣстить:
Отходить королевичъ!

БОРИСЪ.

Боже правый!

Уходить съ Годуновымъ. Царевичъ Ѳедоръ отворяетъ дверь, осматривается
и говоритъ за кулисы.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ никого — войди, сестра!

КСЕНИЯ — входя.

Какъ мнѣ

Наединѣ съ тобою быть хотѣлось!
Что ты узналъ о немъ?

ѲЕДОРЪ.

Не допустили

Меня къ нему; но я у двери слушалъ:
Тебя зоветъ съ собою громко онъ
Въ Норвегію, и то же обвиненье
Твердить о нашемъ обѣ отцѣ....

КСЕНИЯ.

Ужасный,

Ужасный бредъ!

ѲЕДОРЪ.

Бредъ, говоришь ты?

КСЕНИЯ.

Какъ?

Ты думаешь онъ вправду вѣрить?

ѲЕДОРЪ.

Ксения —

Когда-бъ одно лишь это могъ я думать?

КСЕНІЯ.

Но что-жь еще?

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

КСЕНІЯ — взявъ его за руку.

Братъ, слышишь?

ӨЕДОРЪ.

Что?

КСЕНІЯ.

На половинѣ той

Забѣгали!...

ӨЕДОРЪ.

Отецъ идетъ сюда —

КСЕНІЯ.

Мнѣ страшно, Өедоръ!

БОРИСЪ — входя.

— Ксенія моя —

КСЕНІЯ.

Отецъ, что тамъ случилось?

БОРИСЪ.

Будь тверда —

Крѣпись, Ксенья!

ӨЕДОРЪ — къ Борису.

Пощади ее!

КСЕНІЯ.

Да, я тверда! Я все могу услышать —
Надежды нѣтъ? Нѣтъ никакой? Скажи!

БОРИСЪ.

Все кончено!

Ксенія шатается и падаетъ.

БОРИСЪ — поддерживая ее.

Господь съ тобою, Ксенья!

~~~~~

ДѢЙСТВІЕ V.

Престолная палата.

Ночь. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу.

ДВОЕ ЧАСОВЫХЪ.

ПЕРВЫЙ.

Что, долго ли до смѣны?

ВТОРОЙ.

Чай, усталъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, жутко какъ-то.

ВТОРОЙ.

Да и мнѣ, признаться,
Не по-сердцу въ палатѣ этой. Все
Какъ будто ходитъ кто-то. Поглядишь —
Нѣтъ никого!

ПЕРВЫЙ.

Ну, Богъ съ тобой! Не къ ночи
Объ этомъ рѣчь.

ВТОРОЙ.

Часоги еще, пожалуй,
Стоять придется.

ПЕРВЫЙ.

То-то. А, ей-богу,
Двойную смѣну на дворѣ бы лучше
Я простоялъ!

ВТОРОЙ.

Вишь, самъ заводишь рѣчь!

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, чуръ меня! О чемъ-нибудь другомъ
Заговоримъ. Замѣтилъ ты сегодня,
Какъ пасмурень былъ царь?

ВТОРОЙ.

И впрямь, онъ былъ
Еще мрачнѣй, чѣмъ эти дни.

ПЕРВЫЙ.

Кручина....

ВТОРОЙ.

Да, есть о чемъ. А, говорятъ, Басмановъ
Того разбилъ недавно вора.

ПЕРВЫЙ.

Что же
Все мраченъ царь? Не вѣрить, что-ли?

ВТОРОЙ.

Лигь-то

Какъ страшень сталь!

ПЕРВЫЙ.

Глядить и не глядить —

ВТОРОЙ.

Я-бъ не хотѣлъ теперь его увидѣть!

ПЕРВЫЙ.

Избави Богъ!

ВТОРОЙ.

Постой — ты слышалъ?

ПЕРВЫЙ.

Что?

ВТОРОЙ.

Дверь скрипнула!...

ПЕРВЫЙ

Ну, ври себѣ!

ВТОРОЙ.

Шаги!...

ПЕРВЫЙ.

И впрямь шаги...

ВТОРОЙ.

То изъ покоевъ царскихъ

Сюда идутъ.... все ближе....

ПЕРВЫЙ — съ испугомъ.

Кто идетъ!

ВТОРОЙ.

Молчи, молчи! Онъ самъ!

БОРИСЪ въ рубахѣ, поверхъ которой накинута опасень, входитъ,
ихъ не замѣчая.

БОРИСЪ — про себя.

«Убить, но живъ!»

Меня съ одра все тотъ же призракъ гонить.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покою находитъ,
Въ росѣ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ, и день и ночь,
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется,
Кружась безъ отдыха... «Убить, но живъ!»
Я совершилъ безъ пользы преступленья!
Проклятя даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я —
Когда онъ живъ — зачѣмъ же я, какъ Каинъ,
Брожу теперь? Безвинностью моею
Я заплатилъ за эту смерть — душою
Ее купилъ! Я требую, чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату —
Такъ пусть же мой противникъ вправду згинетъ,
Иль пусть опять безвиненъ буду я!

Осматривается.

Куда зашелъ я? Это тотъ престоль,
Гдѣ, въ день вѣнчанья моего, я въ блескѣ
Невиданномъ дотолъ возсѣдалъ!
Онъ мой еще. Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

Подходить и отступаетъ въ ужасѣ.

Престоль мой занять!

Приходить въ себя.

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ!....

Безумный бредъ! Все та-же мысль! Рожденье
Безсонницы! Но нѣтъ—я точно вижу—
Вновь что-то тамъ колеблется какъ дымъ—
Сгущается—и образомъ стать хочеть!
Ты—ты! Я знаю чѣмъ ты хочешь стать—
Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами!

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

БОРИСЪ.

Кто здѣсь говоритъ?

Увидѣвъ часовыхъ.

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
Подслушивать?

ВТОРОЙ.

Великій государь —

Наряжены мы теремъ караулить!...

БОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ-же ваши очи?
Смотри туда! Чтò на престолѣ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь.... я ничего не вижу!...

БОРИСЪ.

Такъ подойди-жь и бердышомъ своимъ
Ударь въ престолъ! Чего дрожишь? Пди—
Ударь въ престолъ!

Часовой подходитъ къ престолу.

Стой! Воротись—не надо!

Я надъ тобой смѣялся! Развѣ ты
Не видишь, трусь, что это мѣсяцъ свѣтитъ
Такъ отъ окна? Тебѣ и невѣсть что
Почудилось?... Смотрите-же, вы оба:
О томъ, чтò здѣсь вы слышали сейчасъ,
Иль видѣли—молчать подъ смертной казнью!
Вы знаете меня!

Вздогнувъ.

Кто тамъ?

Входитъ Семень Годуновъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

То я,

Великій государь! Тебя ищу я...

БОРИСЪ.

Кто право далъ тебѣ за мной слѣдить?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ — тихо.

Андрей Клешнинъ, по твоему велѣнью,
Къ тебѣ пришелъ.

БОРИСЪ — къ часовымъ.

Ступайте оба прочь!

Часовые уходятъ.

БОРИСЪ.

Никто не видѣлъ Клешнина?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ

Никто.

По тайному крыльцу его я въ теремъ
Самъ проводилъ.

БОРИСЪ.

Впусти его!

Семень Годуновъ уходитъ.

Подъ схимой

Онъ отъ мірскихъ укрылся тревоженій
А я, какъ грозный нѣкогда Иванъ,
Безъ отдыха метусь. Какъ онъ, средь ночи
Жду схимника, чтобы сомнѣнье мнѣ
Онъ разрѣшилъ. И какъ при немъ, такъ нынѣ
При мнѣ грозить Русіи распаденье!
Уже-ль судьба минувшіе тѣ дни
Надъ нею повторяетъ? Или въ двадцать
Протекшихъ лѣтъ не двинулся я съ мѣста?
И чтó я прожилъ, былъ пустой лишь сонъ?
Сдается мнѣ, я шель, все шель впередъ,
И мнилъ пройти великое пространство,
Но только кругъ огромный очертилъ,
И, утомлѣнъ, на то-жъ вернулся мѣсто,

Оттуда шель. Лишь имена смѣнились,
Преграда та-жь осталась предо мной—
Противникъ живъ—вѣнецъ мой лишь насмѣшка,
А истина—злодѣйство есть мое—
И за него проклятья!

Входитъ КЛЕШНИНЪ въ схимъ и въ веригахъ.

БОРИСЪ.

Это ты?

КЛЕШНИНЪ.

Я самъ. Зачѣмъ меня ты потревожилъ?
Спокойно нѣ-далъ умереть? Въ чемъ дѣло?

БОРИСЪ.

Давно съ тобою не видались мы.

КЛЕШНИНЪ.

И лучше-бы намъ вовсе не видаться.

БОРИСЪ.

Ты нуженъ мнѣ.

КЛЕШНИНЪ.

Еще? Кого зарѣзать

Задумалъ ты?

БОРИСЪ.

Твоя не впору дерзость,

Ее терпѣть я не хочу!

КЛЕШНИНЪ.

А я

Хочу быть дерзокъ. Или, мнишь ты, послѣ
Того, что я выдаю по ночамъ,
Ты страшень мнѣ?

БОРИСЪ.

Оставь обычай свой.

Дай мнѣ отвѣтъ по правдѣ: въ Угличъ ты
На розыскъ тотъ посланъ съ Шуйскимъ былъ,
Дай мнѣ отвѣтъ—и царствіемъ небеснымъ
Мнѣ поклянись: убить, иль нѣтъ Димитрій?

КЛЕШНИНЪ.

Убить-ли онъ? Дивлюся я тебѣ.
Или мою не разглядѣлъ ты схиму?
Такъ посмотри-же на мое лицо!
Зачѣмъ-бы я постился столько лѣтъ?
Зачѣмъ-бы я носилъ вериги эти?
Зачѣмъ живой зарылся-бъ въ землю я,
Когда-бъ убить онъ не-былъ?

БОРИСЪ.

Ты его

Самъ видѣлъ мертвымъ?

КЛЕШНИНЪ.

Будь спокоенъ. Мы

Его убійцъ названье не украли—
Оно, по праву, наше: на гортани
Зияетъ рана въ цѣлую ладонь!

БОРИСЪ.

И не было подмѣна?

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ. Когда-бы

Его черты забыть я могъ—мнѣ ихъ
Мои-бы сны напомнили....

БОРИСЪ.

Кто-жъ тотъ,

Кто называетъ Дмитріемъ себя?

КЛЕШНИНЪ.

По чемъ мнѣ знать! Духъ, можетъ быть, иль хуже,
Но говорить съ тобой объ этомъ ночью
Я не хочу. Объ эту пору чутокъ
Бываетъ тотъ!

БОРИСЪ.

Андрей —

КЛЕШНИНЪ.

Забудь Андрея!

Четырнадцать ужъ лѣтъ въ болотѣ черти
Играютъ имъ. Братъ Левкій предъ тобой.

БОРИСЪ.

Постригся ты, но схи́ма не смирила
Твой злобный духъ. Не кротостію рѣчь
Твоя звучить.

КЛЕШНИНЪ.

Не въ кротости спасенье.

Ты мягко стлалъ, но не помогъ себѣ
Медовой рѣчью въ горькую годину.
Не помогли и казни. Надъ тобой
Проклятье Божье. Мерзость ты свою
Познай, какъ я; прими такую-жъ схиму;
Сложи вѣнецъ; молися и постись;
Заприся въ кельѣ —

БОРИСЪ.

Русскою землею

Блюсти ее, на царство я избранъ!
Въ невгоды часъ съ престола моего
Я не сойду какъ скоморохъ съ подмостокъ!
Съ мечомъ въ рукахъ, не съ четками, я встрѣчу
Врага земли!

КЛЕШНИНЪ.

Земля тебя клянеть!

А врагъ у насъ съ тобой одинъ: оружье
Онъ твоему смѣется! Съ нимъ сразиться
Ты можешь только, павши ницъ во прахъ
Передъ крестомъ!

БОРИСЪ.

Когда придетъ мой часъ,

Я принесу за грѣхъ мой покаянье.
Теперь грозу я долженъ встрѣтить. Если
Тебѣ еще что вѣдомо въ семь дѣлѣ,
Скажи мнѣ все!

КЛЕШНИНЪ.

Я все тебѣ сказалъ.

Убійца ты. Волхвы тебѣ когда-то
Семь лѣтъ цареня предсказали. Близокъ
Твой смертный часъ. Прости — я уйду.

Отъ инока, отъ Левкія прими
Благословенье днесь.

БОРИСЪ.

Передъ твоей
Священною склоняюся я схимой —
Не предъ тобой, монахъ!

КЛЕШНИНЪ.

Лобзай-же руку,
Благословляющую тя!

БОРИСЪ.

Твою?

КЛЕШНИНЪ.

Она въ крови? Такъ что-жь? Ты развѣ чище?
Сложи вѣнецъ!

БОРИСЪ.

Съ судьбой бороться буду
Я до конца!

КЛЕШНИНЪ.

Такъ умирай какъ песь!
Уходить

Утро. Покой передъ царской опочивальней.

Спальникъ слушаетъ у дверей. Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Что государь? Каковъ онъ?

СПАЛЬНИКЪ.

До разсвѣта
Въ постелю не ложился. Все ходилъ,
По прежнему, и самъ съ собою все
Какъ будто разговариваль.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Басмановъ

Сей ночью прибылъ; о своей побѣдѣ
Царю отчетъ привезъ онъ. Царь его
Не принималъ?

СПАЛЬНИКЪ.

Нѣтъ. Грамату къ себѣ
Потребовалъ; прочтя, перекрестился,
Ему-жъ велѣлъ быть къ лобному столу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И легъ въ постель?

СПАЛЬНИКЪ.

Легъ, только не надолго;
Черезъ краткій часъ всталъ снова, и велѣлъ
Царевича позвать; а намъ далъ строгій
Запретъ за два покоя никого
Къ нимъ не пускать.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Они досель вмѣстѣ?

СПАЛЬНИКЪ.

Досель.... но вотъ, кажись, идутъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Уйдемъ!

Оба уходятъ. БОРИСЪ входитъ, въ разговорѣ съ царевичемъ ѲЕДОРОМЪ.

БОРИСЪ.

Мы трудныя съ тобою времена
Проходимъ, сынъ. Предвидѣть мы не можемъ,
Какой борьба приметъ оборотъ
Съ врагомъ Руси. Мои слабѣютъ силы;
Престоль мой новъ; опасна смерть моя
Для нашего теперъ была-бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положилъ: торжественною клятвой
Связать бояръ въ ихъ вѣрности тебѣ.
Сегодня, сынъ, тебя вѣнчать на царство
Я положилъ!

ѲЕДОРЪ.

Отецъ, помилуй! Какъ?

Царь Борисъ.

Въ тотъ самый день, когда ты честь воздашь
Басманову за славную побѣду
Готовишься?

БОРИСЪ.

Измѣнчива судьба.

Мы на лету ея всечасно ласку
Ловить должны. Усердье къ намъ людей
Съ ней за одно. Сегодня прежнимъ блескомъ
Мой свѣтитъ скиптръ. Въ Бориса счастье снова
Повѣрили. Сегодня уклониться
Отъ царской воли никому не можетъ
И въ мысль войти. Но знаемъ-ли мы что
Насъ завтра ждетъ? Я на обѣдѣ царскомъ
Отъ всѣхъ бояръ хочу тебѣ присяги
Потребовать.

ӨЕДОРЪ.

Прошу тебя, отецъ,
Уволь меня!

БОРИСЪ.

Пріять вѣнецъ русійскій
Назначенъ ты въ тотъ самый день, когда
На царство я взведенъ былъ земскою думой.
Себѣ и роду своему престоль
Упрочить ты обязанъ.

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, отецъ!
Я не могу — уволь меня!

БОРИСЪ.

Сынъ өедоръ —
Что значить это?

ӨЕДОРЪ.

Не гнѣвись, отецъ —
Вѣнчаться не могу я! На престоль —
Я не имѣю права!

БОРИСЪ.

Какъ?

ӨЕДОРЪ.

Отець,

Прости меня! Ты борешься упорно —
Я-жь не увѣренъ, что противникъ твой —
Не истинный Димитрій!

БОРИСЪ.

Не увѣренъ?

Ты, Өедоръ — ты?

ӨЕДОРЪ.

Я углицкое дѣло
Читаль, отецъ, и Шуйскаго тотъ розыскъ.
Безсовѣстно допросъ былъ учиненъ!
Отыскивать не такъ-бы долженъ правду
Кто-бъ искренно хотѣлъ ее узнать!

БОРИСЪ.

Но правда та мнѣ вѣдома!

ӨЕДОРЪ.

Ты могъ

Обмануть быть!

БОРИСЪ.

Нѣтъ, нѣ былъ я обманутъ!

ӨЕДОРЪ.

Отъ Шуйскаго лишь углицкое дѣло
Ты то узналъ!

БОРИСЪ.

Я прежде зналъ его!

ӨЕДОРЪ.

Ты?

БОРИСЪ.

Я!

ӨЕДОРЪ.

Отець! Какъ могъ его ты знать?

БОРИСЪ.

Когда тебѣ улики дамъ я въ руки,
Что Димитрій мертвъ —

ӨЕДОРЪ.

Какъ? У тебя инья
Улики есть, чѣмъ тѣ, что собралъ Шуйскій?

БОРИСЪ.

Инья — да!

ӨЕДОРЪ.

И ты доселѣ ихъ
Не предъявилъ?

БОРИСЪ.

Я ихъ не предъявлю!
Мнѣ на-слово повѣрить долженъ ты!
Димитрій мертвъ!

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, прежде не повѣрю,
Чѣмъ самъ увижу тѣ улики!

БОРИСЪ.

Ты —

Ихъ требуешь? Ты хочешь ихъ, сынъ Федоръ?
Такъ знай-же все!

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Молчи!
Повѣрилъ я! Не говори ни слова —
Повѣрилъ я!

Молчаніе.

БОРИСЪ.

Не долго мнѣ осталось
На свѣтѣ жить. Земли мнѣ русской слава,
Свидѣтель Богъ, была дороже власти.
Но, вижу я, на мнѣ благословенья
Быть не могло.

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Оно не можетъ
Быть на тебѣ!

БОРИСЪ.

Ты чистъ и бѣлъ. Тебя
Отъ прикасанья зла предохранить
Мнѣ удалось. Господь твою державу
Благословить.

ФЕДОРЪ.

О, если-бъ не пришлось мнѣ
Ее принять!

БОРИСЪ.

Неизлечимъ недугъ
Душевный мой. Онъ разрушаетъ тѣло —
И быстро я, усилиямъ вопреки,
Иду къ концу. Въ страданьи чловѣкъ
Бываетъ слабъ. Мнѣ вѣдать тяжело,
Что всѣ меня клянуть.... Услышать слово
Привѣтное я былъ-бы радъ....

Молчаніе.

ФЕДОРЪ.

Прости!

Уходить.

Столовая Палата.

Великолѣпно убранные столы въ нѣсколько рядовъ. За ними, въ ожиданіи, сидятъ бояре. На правой сторонѣ просцениума, царскій столъ, съ пятью приборами. Нѣсколько лицъ разговариваютъ на просцениумѣ.

САЛТЫКОВЪ.

Намъ не везетъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Побѣду надъ собою
Мы празднуемъ!

САЛТЫКОВЪ.

Неволей торжествуемъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Да полно такъ-ли плохо? Вѣдь виной
Въ побѣдѣ этой лишь одинъ Басмановъ;
Не будь его, Димитрій смялъ-бы насъ!

САЛТЫКОВЪ.

Онъ насъ и смялъ. Ужъ наши отступали,
Какъ врагъ того Басманова принесъ.
Окрысился, упёрся — а къ нему
Какъ разъ, на помощь нѣмцы подоспѣли.

ГОЛИЦЫНЪ.

Проклятые!

САЛТЫКОВЪ.

Какое горе имъ!
Борису присягали, за Бориса
Кладутъ животъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Басмановъ за него-же!

САЛТЫКОВЪ.

А то, не бось, за насъ? Собака знаетъ,
Чей ѣла кормъ!

ШУЙСКІЙ — подходить.

О чемъ, бояре, вы?

САЛТЫКОВЪ.

Да все о томъ-же, князь Василь Ивановичь,
О радости великой.

ШУЙСКІЙ.

Какъ бы только
Не горевать пришлось намъ! Мнѣ пишутъ:
Онъ вновь собрать успѣлъ свои дружины,
Къ нему идетъ подмога отъ Литвы,
А Роща-Долгорукій, со Змѣевымъ,
Передались ему; Мосальскій также,
И Татевъ то-жъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты шутишь, князь?

ШУЙСКІЙ.

Ей-Богу.

САЛТЫКОВЪ.

Царь вѣдаетъ?

ШУЙСКІЙ.

Зачѣмъ его тревожить?

Пожалуй, пиръ сегодняшній та вѣсть
Испортила-бъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, слава Богу! Лишь-бы
Басманова царь не послалъ опять!

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! Нельзя намъ на Москвѣ
Быть безъ него!

САЛТЫКОВЪ.

Признайся, князь Василій,
Вѣдь это ты царя-то надумилъ
Басманова призвать?

ШУЙСКІЙ — смѣясь.

А кто-жъ еще?
Вѣдь онъ себѣ награду заслужилъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Хитѣрь-же ты!

ШУЙСКІЙ.

Ну, гдѣ ужъ намъ хитрить!

САЛТЫКОВЪ.

А вотъ и онъ!

Входитъ БАСМАНОВЪ, всѣ раздаются.

ШУЙСКІЙ — идетъ ему на встрѣчу.

Челомъ, бояринъ Петръ
Феодорычъ, тебѣ отъ всей отъ думы!
Утѣшилъ насъ, ей-Богу-ну! А то,
И батюшкѣ царю кручинно стало;
Какъ съ воромъ-моль не справиться-то съ тѣмъ,
Съ разстригою!

БАСМАНОВЪ.

На врьдъ-ли онъ разстрига.

ШУЙСКІЙ.

Разстрига, нѣтъ-ли—тотъ-же воръ. Теперь
Чай, не начнетъ!

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, князь Василь Иванычъ,

Боюсь, начнетъ. Хоть онъ и воръ, а удалъ
Намъ показалъ свою. И любо видѣть
Какъ рубится! Въ бѣдѣ не унываетъ:
Когда его войска погнали мы,
Послѣдній онъ, и шагъ за шагомъ только,
Намъ уступилъ. Такъ, говорятъ, косматый,
Осиленный ловцами, покидаетъ
Добычу левъ!

шуйскій — смѣясь.

Да ты, никакъ, бояринъ,
Не въ шутку хвалишь вора!

басмановъ.

Не таюся,
Мнѣ по-сердцу и вражая отвага!

шуйскій.

А за твою тебѣ сегодня царь
Воздастъ почетъ!

басмановъ.

Храни его Господь!
Но лучше-бы меня теперь у войска
Оставилъ онъ. Не надо-бъ дать врагу
Опомниться.

шуйскій.

И безъ тебя, бояринъ,
Его добьютъ. Ты-жъ для совѣта намъ
Здѣсь надобенъ.

салтыковъ.

Не даромъ государь
Пожаловалъ тебя въ бояре. Будешь
Насъ разуму учить!

голицынъ.

Намъ будешь въ думѣ
Указывать!

басмановъ.

Боюся, не сзумѣю
Вамъ быть подъ стать.

ГОЛИЦЫНЪ.

Мы славимся породой,
А ты умомъ!

БАСМАНОВЪ.

Кто чѣмъ богатъ!
Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ. Всѣ ему кланяются. За нимъ два стольника
несутъ богатую шубу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — къ Басманову.

Бояринъ

Петръ Ѳедорычъ! Великій государь,
До своего до царскаго прихода,
Мнѣ приказалъ привѣтствовать тебя,
И эту шубу, съ своего плеча,
Прислалъ тебѣ въ подарокъ!

ВСѢ — кланяясь Басманову.

Съ царской лаской!

Стольники надѣваютъ на него шубу.

БАСМАНОВЪ.

Не заслужилъ я милости великой!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То лишь починъ. Угодно государю
Тебѣ такія почести воздать,
Кавихъ еще онъ никому доселѣ
Не воздавалъ!

ШУЙСКІЙ.

Мое възграло сердце!
Кому-жъ и честь, когда не воеводѣ,
Что отъ врага лютѣйшаго въ конецъ
Избавилъ насъ!

Къ Семену Годунову.

Но успокой, родимый,
Скажи, Семень Никитичъ, правда-ль: ночью
Недужалъ царь?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, миловалъ Господь,
Одна была усталость.

шуйскій.

Богу слава!

И то сказать, ни день, ни ночь, покоя

Нѣтъ милости его. За то теперь

Онъ отъ хлопотъ ужъ можетъ отдохнуть!

Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входитъ БОРИСЪ, въ царскомъ облаченіи. За нимъ
царевичъ ФЕДОРЪ, ЦАРИЦА и КСЕНІЯ.

САЛТЫКОВЪ къ Голицыну.

Какъ блѣденъ онъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Мертвецъ!

БОРИСЪ — къ Басманову.

Бояринъ Петръ

Феодорычъ!

Басмановъ опускается на колѣни, Борисъ его подымаетъ.

БОРИСЪ.

За доблесть за твою,

За славную за службу и за кровь —

Прими отъ насъ великій нашъ поклонъ

И отъ земли русійской челобитье!

Береть у стольника золотое блюдо, насыпанное червонцами, и подаетъ Басманову

БАСМАНОВЪ — принимая блюдо.

Великій царь! За малую ты службу

Черезъ мѣру мнѣ сегодня воздаешь!

Дозволь мнѣ, царь, вернуться къ войску. Тамъ,

Быть можетъ, мнѣ твою удастся милость

И вправду заслужить!

Передастъ блюдо стольнику.

БОРИСЪ.

Пожди еще.

Тяжелое принудило насъ время

Быть строгими. Москва всѣ эти дни

Опаль довольно видѣла и казней.

Она должна увидѣть на тебѣ

Какъ вѣрныхъ слугъ, за правду ихъ, умѣетъ

Царь награждать. Садись со мною рядомъ.

Садится за столъ. По правую его руку царица, Федоръ и Ксенія; по лѣвую Басмановъ. Бояре размѣщаются за другими столами. Слуги разносятъ блюда.

ОДИНЪ БОЯРИНЪ — за крайнимъ столомъ на лѣво.

Мнѣ на царевну Ксенью жаль смотрѣть;
Вошла въ палату, на ногахъ едва
Держалася.

ДРУГОЙ.

По женихъ тоскуеть.
Чай, не легко сидѣть въ алмазахъ ей
Да въ жемчугѣ, когда на сердцѣ смерть!

ПЕРВЫЙ.

Царевичъ также нѣвесель.

ДРУГОЙ.

А царь-то!

БОРИСЪ — къ Басманову.

Не въ радостный ты часъ къ намъ прибылъ, Петръ.
Семейное меня постигло горе;
Затѣмъ порой задумчивъ я кажусь;
Но славная твоя побѣда насъ
Оправила.

БАСМАНОВЪ.

Великій государь,
Дай Богъ тебѣ веселья и здоровья
И всѣхъ враговъ подъ ноги покорить!

САЛТЫКОВЪ — за другимъ столомъ на лѣво.

Мы похоронный точно пиръ справляемъ.
Смотри, какъ онъ веселымъ хочетъ быть,
А самъ не свой!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ему недугъ, быть можетъ,
Не въ моготу.

САЛТЫКОВЪ.

Кабы да тотъ недугъ
Намъ впрокъ пошелъ! Царевны Ксеньи жаль.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, жаль ее.

САЛТЫКОВЪ.

Что съ братомъ и съ сестрой
Мы сдѣлаемъ, когда на царство тотъ
Пожалуетъ?

БОРИСЪ.

Царевна Ксеня, встань
И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

КСЕНІЯ — обходить столъ и подносить стопу Басманову,
съ поклономъ.

Уважь, бояринъ!

БАСМАНОВЪ — принимая стопу.

Во здравіе царя и государя!

ВСѢ.

Во здравіе царя и государя!

БОРИСЪ — вставая.

Во здравіе боярина Петра
Басманова! Пусть долго онъ живетъ,
На образецъ другимъ, землѣ на славу,
Врагамъ на страхъ!

ВСѢ.

Во здравіе его

И много лѣтъ!

БОРИСЪ.

Да славится во вѣки
Святая Русь и да погибнуть всѣ
Ея враги!

ВСѢ.

Анаѣма врагамъ!

БОРИСЪ — садясь.

Семь лѣтъ прошло, что я земли русійской
Пріялъ вѣнецъ. Господня благодать
Была надъ ней — доколь, подобно язвѣ
Египетской, тотъ не явился врагъ,

Надъ нимъ же мы побѣду торжествуемъ.
Часъ не далекъ, когда, проклятый Богомъ,
Онъ на землѣ достойную себѣ
Приметь мзду. Господь дѣла караетъ
Неправыя; въ сердцахъ читаетъ Онъ,
И судъ Его, какъ громовая туча,
Всегда виситъ надъ головою тѣхъ,
Что злое въ сердцахъ держать умышлене.
Бояре всѣ! Что заслужили-бъ тѣ,
Что, сидя здѣсь, за царскою трапезой,
Въ душѣ своей усердствовали-бъ тайно
Разбитому Басмановымъ врагу?

ГОЛОСА.

Помилуй, царь!

БОРИСЪ.

Моей-бы ждали смерти,
Чтобъ перейти къ тому лихому вору,
Наслѣдника-жъ хотѣли-бъ моего
Ему предать?

ГОЛОСА — съ разныхъ сторонъ.

Царь-государь, помилуй!
Возможно-ли! — И въ мысль то не вмѣстится! —
Нѣтъ между насъ предателей!

БОРИСЪ.

Пусть встанетъ
Кто вѣренъ мнѣ!

ВСѢ — вставая.

Мы всѣ тебѣ вѣрны!

ГОЛИЦЫНЪ — къ Салтыкову.

Что, всталъ, небось?

САЛТЫКОВЪ.

А ты-то?

ГОЛИЦЫНЪ.

По неволѣ
Подымешься. Не выдать-же себя!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что будете служить
Феодору по вѣрѣ и по правдѣ!

ВСѢ.

Клянемся, царь!

БОРИСЪ.

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станеть!

ВСѢ.

Всѣ клянемся!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что если между васъ
Кто-либо держить злобу на меня,
Онъ злобы той на сына не захочеть
Перенести!

ВСѢ.

Во всемъ тебѣ клянемся!

ШУЙСКІЙ.

Ужъ положиися на своихъ рабовъ,
Царь - батюшка!

БОРИСЪ.

Въ соборѣ вашу клятву
Вы цѣлованьемъ крестнымъ утвердите.
Мы въ животѣ и смерти не вольны —
Я Феодора хочу еще при жизни
Моей вѣнчать. Отъ младости онъ мной
Наставленъ былъ въ наукѣ государской.
Господь ему превыше лѣтъ его
Далъ свѣтлый умъ, и съ духомъ твердымъ кротость
Въ немъ сочеталъ — и правоты любовь,
Нетронутую мудрствованьемъ ложнымъ,
Въ него вложилъ. — Его царенье будетъ
На радость вамъ, на славу всей землѣ!
Чего я сдѣлать не успѣлъ для царства —
То онъ свершитъ —

Выступаетъ впередъ.

И за него теперъ
Заздравный сей я кубокъ подымаю!

ВСѢ.

Да здравствуетъ царевичъ! Много лѣтъ
Царевичу Θεодору!

ОДИНЪ ВОЯРИНЪ — указывая на Бориса.

Чтó съ нимъ?

ДРУГОЙ.

Шатается!

БОРИСЪ.

Басмановъ —

БАСМАНОВЪ — подхватывая его.

Государь!

Смятеніе между боярами.

КСЕНІЯ.

Отецъ! Отецъ!

БОРИСЪ.

Мнѣ дурно —

ӨЕДОРЪ.

За врачомъ

Бѣжать скорѣй!

БОРИСЪ.

Не надо... смертный часъ

Мой настаетъ...

Его сажаютъ въ кресла.

ЦАРИЦА.

Ахъ Господи! Не просто
Случился грѣхъ! Знать, тутъ была отрава!

Нѣсколько голосовъ.

Отравленъ царь!

БОРИСЪ.

Нѣтъ — нѣ было отравы!

Иль мните вы, безсильна скорбь одна
Разрушить плоть?

ӨЕДОРЪ.

О, велика твоя
Предъ Богомъ скорбь

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ — Ксеня — дѣти!
Храни васъ Богъ! Князь Шуйскій — подойди!
Другъ друга мы довольно знаемъ. Помни:
Въ мой смертный часъ я Господа молю:
Какъ ты мнѣ клятву соблюдешь, пусть такъ
И онъ тебя помилуетъ! — Басмановъ —
Спѣши къ войскамъ! Тебѣ я завѣщаю
Престоль спасти! О, Господи, тяжель,
Тяжолъ твой гнѣвъ! Грѣхи мои Ты не-далъ
Мнѣ заслужить!

ѲЕДОРЪ.

Клянусь тебѣ, отецъ,
Не забывать, что искупить я долженъ
Ихъ жизнью всей!

БОРИСЪ — къ боярамъ.

Блюдите вашу клятву!
Вамъ ясенъ долгъ — Господь караетъ ложь —
Отъ зла лишь зло родится — все едино:
Себѣ-ль мы имъ служить хотимъ, иль царству —
Оно ни намъ, ни царству впрокъ нейдетъ!

ЦАРИЦА — кланяясь въ ноги.

Свѣтъ-государь! Прости меня въ чемъ я
Грѣшна передъ тобой!

БОРИСЪ.

Мой меркнетъ взоръ —

КСЕНЯ.

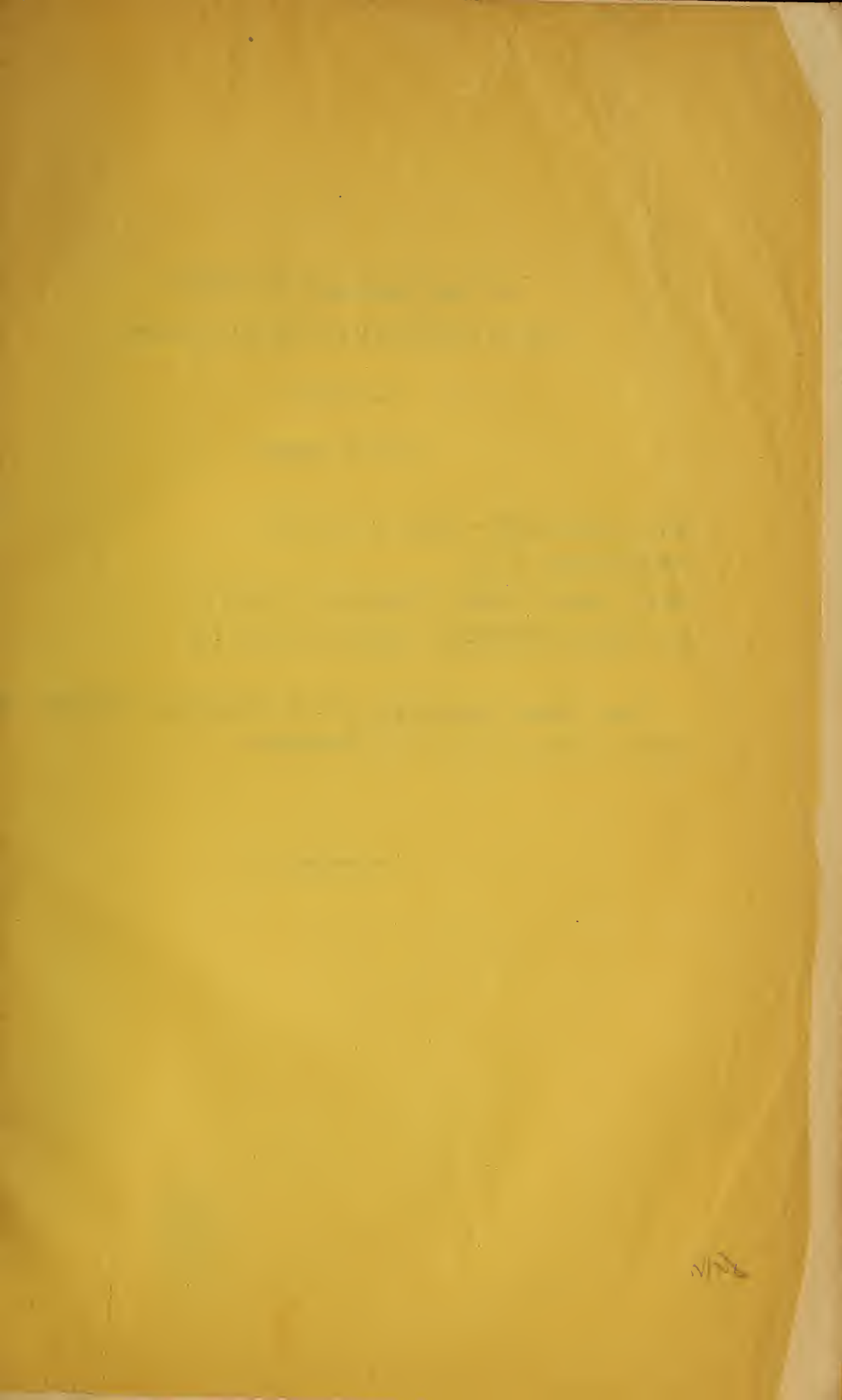
О Господи! Будь милостивъ къ нему!

БОРИСЪ.

Простите всѣ! Я отхожу — сынъ Ѳедоръ — Встаетъ.
Дай руку мнѣ! Бояре! — вотъ вашъ царь!

Падаетъ въ кресла. Занавѣсъ опускается.

К О Н Е Ц Ъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

ПРОДАЮТСЯ

того же автора:

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯННЫЙ.—Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ц. 2 р.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.—Трагедія въ 5 д. Ц. 1 р.

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ.—Трагедія въ 5 д. Ц. 1 р.

Складъ изданій помѣщается у И. К. Соловьевица, въ Большой Мастерской улицѣ, д. № 4, въ С.-Петербурѣ.

LIBRARY OF CONGRESS

0002326237A